

КЛЭР ТВИН



Я, ТЫ И
ШИЗОФРЕНИЯ

Клэр Твин

Я, ты и шизофрения

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36309288

SelfPub; 2023

Аннотация

Аманде Хилл семнадцать лет. Казалось бы, прекрасный возраст для любви, планов на будущее и исполнения заветных желаний... Если, конечно, вы не больны шизофренией. В отличие от своих сверстников, Аманда не стремится закончить школу, поступить в колледж и вступить во взрослую жизнь. Её будни – борьба с шизофренией и попытки найти себя в мире, где безумцам нет места. Но мрачные тени рассеиваются с появлением загадочного Сэма – парня, рядом с которым Аманда чувствует себя не странной, а особенной.

Содержание

Глава 1. Безрассудство	5
Глава 2	28
Глава 3	66
Глава 4	96
Конец ознакомительного фрагмента.	107

Клэр Твин

Я, ты и шизофрения

Жестокость, как всякое зло, не нуждается в мотивации; ей нужен лишь повод.

Джордж Элиот

Глава 1. Безрассудство

Любовь и галлюцинация очень схожи между собой – в обоих случаях трудно определить «настоящее».

Никогда не знаешь, что может произойти за пять секунд. Казалось бы, такой маленький промежуток времени, но последствия могут быть большими. В первую секунду ты ощущаешь необычное чувство, которое появляется резко, но образуется постепенно. Во вторую секунду ты перестаёшь видеть «краски мира», все, что было интересно и привлекательно – теперь серая куча хлама из-под кровати. В третью секунду твоё сердце выдумывает совершенно новый ритм биения. В четвёртую тебя начинают посещать мысли о кончине, о бессмысленности этого мира, о ненависти и несправедливости. А в пятую ты становишься больна.

Именно с этими пятью секундами я столкнулась. Прямо сейчас. Чувствую, внутри меня что-то рвётся наружу; возможно, это моя кипящая подобно лаве кровь, циркулирующая по венам. Или может, это мои тараканы выют себе уютные гнёздышки, радостно напевая рождественские песни. Просто хочу предупредить, что рано или поздно, но вы

столкнётесь с пятью секундами сумасшествия.

Я всегда отличалась от своих сверстниц: была мрачнее тучи, избегала больших компаний и, как бы скучно не звучало, я обожала романтические фильмы.

Родители еще не в курсе, что их единственный ребенок в семье съехал с катушек. Им не стоит знать об этом, пока что... Я попросту не готова признаться в этом. Врачи говорят, что осознание проблемы – прямой путь к её решению. Полная чушь для людей, которые считают, что их болезнь – это конец жизни. Я не думаю, что это так. Едва ли можно назвать концом то, что может стать интересным прологом.

– Аманда, давай ужинать! – донёсся до меня крик мамы.

– Сейчас!

Я закрыла окошко сайта в интернете о людях с тяжёлыми психическими заболеваниями, то есть, о таких же, как и я, и поднялась с мягкой обивки кресла. Пройдя по валяющейся скомканной на полу одежде, худеющими руками потянула за дверную ручку, выглянув в коридор. В лицо сразу врезался запах свежих вымытых овощей и приправ. Направившись в кухню, я застала беседующих между собой родителей о налоговой службе. Они безмятежно ужинали, шумя при-

борами, маминой стряпней, которая обычно мне не совсем нравится. Не то, чтобы мама плохо готовила, но она любит «творить», и поэтому нам с отцом приходится привыкать к заграничным блюдам. Однажды ей на ум пришла мысль приготовить Хаггис, получилось, мягко говоря, отвратительно. Мама всё напутала и только лишь перевела продукты. Да уж, готовкой я вся в мамочку.

Порой мне кажется, что комната, в которой я провожу двадцать четыре часа в сутки, считается единственным местом, где тихо, безопасно и комфортно, куда люди не смогут войти – своего рода неприступная крепость. Это я к тому, что оказавшись за пределами этой крепости, мне резко поплохело. Хочется вернуться назад, словно невидимая сила тянет магнитом. Преодолев это странное чувство, я села за небольшой стол.

Наша кухня, по словам родителей и гостей, красивая, уютная – не спорю, но здесь нет особой атмосферы, которая смогла бы меня увлечь. Эти белые шторы, бежевые шкафчики, стол со скатертью и кружевными узорами, темный паркет, на котором разместился ковёр, цветом напоминавший грецкий орех. Да, гармонично, да, дорого, но нет – неинтересно.

Я с шумом сглотнула, бегло пройдясь взглядом по за-

валенному едой столу. Мама постаралась на славу: я вижу грибной суп, без которого прежде жить не могла. Только почему мне кусок горло не лезет? Почему я не чувствую голод, хотя не ела с самого утра? Ощущение, будто мне довелось поужинать две минуты назад.

– Что тебе положить? – мама схватила тарелку и в ожидании посмотрела на меня. Её улыбка излучала заботу, в то время как моя кислая физиономия один только негатив.

– Я сама, мне уже не пять лет, – я отняла у неё белую посуду и раздражительно принялась накладывать салат с перцем.

Боже, и зачем ты, Аманда, так себя ведёшь?! Опираясь на мою сомнительную логику, если я буду их отталкивать, тогда они ничего не узнают. Чем дальше от меня родители, тем меньше вероятность, что правда о шизофрении раскроется.

Мама с папой украдкой переглянулись и, не желая спорить со мной, молча продолжили есть, будто ничего и не было. Возможно, вы не заметили, но я правда стараюсь сдерживать себя. Вот честно! Я из кожи вон лезу, чтобы не выдать глупым образом свою проблему. Мне не нужны эти бессмысленные походы по белым кабинетам, чтобы услышать то, что я и так знаю. Во мне какой-то вирус, он мутирует характер. Я зла на весь мир и в тоже время, я не злюсь ни на кого.

– Как дела в школе? – мама не отчаивалась в попытках разговаривать меня. Приложив к нижней губе вилку, она бросала в мою сторону осторожный взгляд.

Факт: мама поступает подобным образом тогда, когда ей что-то приходит в голову. За прошлым семейным ужином она точно с таким же выражением лица и вилкой на губах предлагала сделать у меня в комнате косметический ремонт. Конечно же завязался спор, и я одержала убедительную победу. Или же никто лишний раз не хотел ругаться.

– Нормально, – коротко ответила я, играясь с листьями салата.

Мне было нужно изображать занятость, чтобы мама передумала донимать меня вопросами.

– А как поживают Алиса и Лара?

«Нет. Почему именно они?», – загорелось в мыслях красным шрифтом.

Раздался продолжительный звон хрустальных приборов. Он затмил все шумы мира, вынудил родителей забыть об ужине. Вилка, отлетевшая к бокалу, как будто презритель-

но усмехнулась мне. Нет, серьезно! Она глазела и словно вопила «ну и что ты этим хотела сказать, идиотка?». Раскрыв в немом шоке рот, я потёрла в неверии глаза и только, когда папа окликнул меня, оглянулась. Если лицо мамы полно морщин из-за вспыхнувшего волнения, то у отца был скорее рассерженный вид – он ненавидел мои капризы и «странный способ общения». Мне это хорошо известно, а ему хорошо известно, что я не меняюсь.

Мое сердце ненормально застучало в груди, набатом отдавалось в ушах. Кажется, ещё секунды – и остановиться. Но времени на самоанализ не было: родители требовательно буравили взглядом, я срочно должна была объяснить своё поведение. Дыхание участилось, и сейчас я похожа на кота, которого дернули за хвост.

– Ты меня допрашиваешь?! – решила идти на пролом я, неаккуратно взяв бумажное полотенце, чтобы вытереть вспотевшие ладони.

Алиса и Лара, как вы уже могли догадаться, не самая мною любимая тема для обсуждения, тем более с родителями. Эти две девочки – табу.

– Нет, дорогая, я спрашиваю, потому что мне, как маме, важно знать о твоих делах. Просто, – с осторожностью под-

бирая слова, в поисках поддержки перевела взор на папу она, – раньше они часто приходили в гости.

– Аманда, ты в порядке? – вмешался отец, видимо, заметив, что я на грани срыва.

Когда он спрашивает «ты в порядке?», значит, мне пора закрыть рот и успокоиться. Это, своего рода, предупреждение, красный свет. Но...

– Как можно быть в порядке, когда вы тут устроили допрос?! Я уже поесть спокойно не могу! – вскочив со своего места, я демонстративно фыркнула. Растерянность, которая отображалась на лицах родителей, не передать словами. – Оставьте меня в покое, ладно?! И хватит доставать меня Алисой и Ларой! Забудьте об этих дурах!

– Дочка! Как так можно говорить о своих подругах?

– Они мне не подруги!

Мама хотела что-то добавить, но я цыкнула, давая понять, что на этом наш и без того короткий разговор подошёл к концу. Вернувшись в спальню, я захлопнула дверь, принимаясь жаловаться на все живое и мертвое. Мне так часто доводится хлопать ею, что с потолка сыпется белая штукатурка. На-

верное, именно поэтому мама решила устроить ремонт.

Хотелось бы мне контролировать эти вспышки гнева, но в этот момент мое сознание отключается, и я нахожусь в руках «темной себя», во мне словно живет ещё один человек. Это жутко... Вот вы можете контролировать дождь? Ураган? Извержение вулкана? Вот точно также я не в силах контролировать себя.

Плюхнувшись на кровать, я вытащила из кармана мобильник и открыла галерею, где ещё сохранилось парочка фотографий минувших времён, – когда Аманда Хилл была намного дружелюбней, которая умела сопереживать и говорить вежливо. Пролистав вниз, я наткнулась на очень старый снимок. Алиса и Лара – мои лучшие подруги. То есть, бывшие лучшие подруги. Мы перестали общаться после осознания, что со мной что-то не так. Весёлый был день, однако! Вам бы понравилось... Обозвав их лживыми стервами, мы больше не обменивались ни словом. Я вдруг осознала, какие они лживые, лицемерные и глупые курицы. Для них жизнь – это сюжет типичного фильма о гламурных богатеньких школьниц, а-ля Шанель номер один из «Королевы крика». Я слишком долго спала и поздно осознала насколько они пусты.

Еще один изъян «тёмной» Аманды Хилл— невозможность сдерживать слёзы. Только представьте: увидеть без-

домного котёнка и разрыдаться навзрыд, смотреть мелодраму и задыхаться от душащих слёз. Мягкосердечность в наше время это определённо не преимущество, а слабость. Для девчонки с шизофренией эта черта нетипична. Другое дело ярость. Гнев и психическое расстройство звучит куда гармоничнее. По-моему, это нормально быть психом в наше время. С таким окружением – это ожидаемо.

Но если отбросить маски и не строить из себя зазнайку, мне в самом деле страшно. Я не просто понимаю, но и чувствую как болезнь медленно поедает меня изнутри, убивая еще работающие клетки мозга, разрушая все хорошее внутри, выпуская наружу одни недостатки.

Естественно, наберись я хоть немного мужества и расскажи правду родителям, всё могло быть иначе. Может, это болезнь запрещает мне открыться родителям, догадываясь о моем излечении? Возможно, шизофрении не выгодно мое лечение? Тогда она погибнет, оставит мою душу в покое... Не знаю. Любопытно, когда я страдаю, что чувствует шизофрения? Небось нравится меня мучить! Но это еще цветочки, ведь иногда мне мерещатся несуществующие люди. Что-то вроде фантомов, которых не было и не будет никогда, но они вполне реальны. В моей голове.

В те злополучные секунды я ещё не понимаю, что передо

мною очередная галлюцинация, для меня это обычные люди, животные или существа. Если верить википедии (а я верю), то у меня вялотекущая шизофрения второго ранга. При вялотекущей шизофрении признаки психического расстройства есть, но не сильно проявлены: я способна работать, думать и общаться с простыми смертными, по крайней мере, сейчас... Раньше мне слышались лишь голоса, которые говорили, как я прекрасно рисую и пишу стихи. Голоса эти не скупались на комплиментах, они пели мне песни и иногда даже рассказывали забавные истории. Вскоре это прекратилось... Теперь я вижу мерзких людей, противно смеющихся и издающих страшные звуки, вроде скрежета или скрипа ржавых качелей, отчего по спине льется холодный пот. Это длится не больше минуты, увы для меня это целая вечность. Если вкратце, просто представьте всех тварей из ужасиков Стивена Кинга и Лавкрафта. Представили? Я их вижу. Они реальны. Они охотятся на меня.

* * *

Покинув серебристое «Ауди» родителей, игнорирую их искреннее «удачи в школе». Я заткнула уши музыкой и неторопливо шла к парадному входу в школу. Ненавижу эту колонию для тугодумов. Нет, отличники у нас имеются, но это ничего не меняет – люди здесь сами по себе гнилые. По крайней мере, те, с которыми мне, к огромному сожалению, довелось общаться. В прошлом я не умела видеть в людях грязь,

сама пачкалась.

Формы в нашей школе нет, поэтому я носила то, на что хватало интереса: серая толстовка, юбка и чёрное, как и сегодняшнее небо, пальто. Если откинуть голову назад и взглянуть на небосвод, можно увидеть чёрное, словно растёкшаяся ртуть, небо. Какое оно всё-таки унылое. Словно с нами решили сыграть в злую шутку, заменив день крошечной тьмой. Всему виной грозовые тучи. Где-то точно шёл ливень. На дворе февраль, от того зябко и холодно. Но этот холод не сравнить с холодом в моей голове. Голые деревья отлично вписывались в атмосферу моих будней. При взгляде на них, первым делом думаешь, как грустно и одиноко. Мир серый, хмурый, люди одинаковые: кто-то бежал на первый урок, кто-то наоборот сбегал прочь, боясь быть пойманным и загнанным обратно в класс. Люди любят бежать от проблем, откладывая решения на потом. Взрослые называют это безответственностью, а подросткам плевать на ответственность и все, что с этим связано.

Школьный коридор ещё большее дно, чем улицы города. Школьники напоминали муравьев, которые спешат куда-то и непонятно для чего. Серые стены заклеены плакатами с глупыми надписями о том, что наркотики приносят вред и приводят к смерти. Серьезно? Администрация уверена, что подобные действия способны остановить торчков употреблять

дурь? А барыг их распространять? Все равнодушны к этим плакатам. А знаете почему? Потому что не цепляет. Потому что это избито, скучно, не круто. Это тоже самое, что если написать: «Эй, урод, хватит быть уродом». Чтобы заставить людей слушать, нужно говорить о том, что они бы сами хотели рассказать. Но я не уверена, что подобный трюк сработал бы на торчках.

– Смотри куда идешь, Хилл! – заорал один старшекласник, игрок футбольной команды. Я случайно задела его плечом, а он сразу накричал на меня. И как после этого верить в лучшее в людях и надеяться на просветление? Извините, но добрых фей и пони не существует. Вот она реальность – полный мрак и отсутствие человечности. Люди испытывают любовь к чему угодно, только не к самим людям. Их сердца полны токсинов, которые их убивают, а погибая, они заражают остальных.

В классе не так много народа. Я прошла к своему ряду и уселась за предпоследнюю парту, повесив рюкзак на спинку стула. Первым уроком сегодня история – скучный, но не предмет, а педагог, поскольку наш учитель больше отдаёт внимание диктантам по известным для человечества датам, нежели теории. Впрочем, иногда у историка хорошее настроение и тогда весь класс смотрит документальный фильм про Первую Мировую войну. Бывает, мою голову посещают ге-

ниальные мысли о том, что если бы я могла видеть фантомы известных людей, вроде Линкольна, Аристотеля, Шекспира, Вашингтона и других не менее значимых фигур в истории человечества, то мои оценки имели бы успех. Но нет, мечтать не вредно – мне мерещатся какие-то чудики и монстры.

Наконец-то прозвенел звонок, ученики заняли свои места, но продолжали переговаривается между собой, обсуждая последние новости и сплетни, типа: кто с кем встречался, будет ли у нас самостоятельная работа по химии, зачем какая-то девушка сменила цвет волос и причёску. Ух ты, как интересно! Они бы ещё начали обсуждать, для чего люди стригут ногти.

Нечаянно взгляд метнулся на Алису с Ларой. Они не обращали на меня никакого внимания, словно я не существую. Хотя, чего я ожидала? Назвала их стервами и сейчас думаю о том, почему они со мной так грубы? Я точно спятила.

– Доброе утро, класс, – вошёл в спешке учитель. Мистер Тейлор, очень высокий и рыжеволосый британец, рухнул на учительское кресло и облегченно вздохнул. – Откройте, пожалуйста, страницу сто сорок один.

Все, пусть с неохотой, однако послушно раскрыли толстые учебники и принялись листать чуть пожелтевшие от старо-

сти страницы. Историк сразу же приступил к уроку и начал о чём-то дискутировать, медленно проходя по рядам и пристально наблюдая за каждым учеником, словно искал в чём-то провинившегося человека. Мужчина провел рукой по щетинистой бородке, будто размышляя про себя: «Да, надо бы побриться». Согласна с ним. Ему около сорока лет, он вполне красив, умён, хорошо сложен. Наверное, поэтому все старшеклассницы влюбляются в него, как ненормальные? Почти все. Меня этот красавчик не привлёк. И вообще, он же для нас стар!

– Аманда Хилл, просьба пройти в кабинет директора, – послышался голос из микрофона, висевшего в углу стены над шкафом для принадлежностей.

Сердце пропустило удар. Черт возьми, зачем? Что я сделала не так? Все тут же уставились на меня, включая учителя, не издавая звука. Такая звенящая тишина, словно скоро должно произойти что-то очень плохое. Я сглотнула комок, застрявший в горле, и затем выпрямилась, решив покончить с неловкой паузой. Ноги не подчинялись, они будто вросли в пол, но я смогла подняться и с достоинством принять факт, что меня вызвали к директору.

– Наша тихоня натворила бед. Ха, да ты плохая девочка, Аманда! – додумался выкрикнуть Питер, задира года.

Прыснув в смешке, ребята тем самым нарушили затянувшуюся паузу. Мне стало намного хуже.

– Пошел ты! – огрызнулась я, выпустив злобный оскал.

Если он продолжит в том же духе, беды не миновать.

– Аманда, не выражайся в классе! И ты, Питер, успокойся! – громко призвал нас соблюдать порядок Тейлор.

Я одарила одноклассников испепеляющим взглядом и в спешке вышла из кабинета, мысленно дерясь с Питером на выдуманном ринге. В коридоре пусто, однако напряжение от этого не уменьшилось.

Вдруг за спиной послышался низкий, тем не менее располагающий к себе мужской голос. Я тотчас оглянулась за плечо, крепко вцепившись пальцами за лямку рюкзака.

– Аманда, иди за мной, – это оказался школьный психолог, посол доброй воли нашего учреждения и просто психотерапевт.

Пришлось послушно последовать за ним, отложив всё вопросы на потом. Я никак не могла избавиться от плохого

предчувствия. Всем моим телом овладел жар и самый что ни на есть настоящий ужас. В коридоре так тихо, что, наверное, даже мистер Мартин (тот самый психолог) смог расслышать удары моего сердца. Это нормально, ведь я боюсь психотерапевтов и тщательно избегаю их. До недавних пор получалось замечательно, но, кажется, сегодня мне дорогу перебежала чёрная кошка.

Первым в светлый кабинет вошёл мистер Мартин, следом я, со скептицизмом рассматривая интерьер и прощаясь на странный запах. По-моему, мистер Мартин фанат благовоний – я слышала аромат ромашек. Стены украшены рисунками и грамотами почета. Мистер Мартин усадил меня в кожаное кресло на колесиках и сам занял своё. Я продолжала с интересом разглядывать обстановку вокруг, но больше все же для того, чтобы не смотреть тому в глаза. Слева от меня диван такого же дерева, что и стол, на котором много бумажек, различных книг, подсвечник и фоторамка. Если полюбопытствовать и немного наклониться вправо, можно заметить какое-то изображение, но я не стала. Мне сейчас не до этого, честно говоря.

Мартин надел на свой нос коричневую оправу очков для чтения и сложил руки перед собой. Вот и момент истины. От волнения мой живот скрутило, поэтому выражение лица стало более кислым, чем прежде.

– Ты, наверное, думаешь, зачем я тебя позвал? – начал было психолог.

Я кивнула, после чего мои глаза забегали в страхе, что тот все знает. Не может быть! Доктор аккуратно достал из белой стопки две бумажки, а затем положил их передо мной.

– Что это? – продолжил спокойно мистер Мартин. По нему нельзя было вывести правду о происходящем.

Я присмотрелась и сразу же узнала тест, который мы недавно сдавали всей школой. Психологический тест. Помню, мне тогда приходилось внимательно перечитывать вопросы, чтобы не просчитаться и ответить верно.

– Это тест, – ответила я как можно спокойнее.

В рамке с очередной грамотой, висевшей за спиной Мартина, я нашла своё отражение. Лицо заметно побледнело, что нехорошо – оно может меня выдать! Господи, словно мертвец только что кивнул мне из Зазеркалья.

– Верно, только это уже тест с результатами, – мистер Мартин подвинул листок ко мне ближе. – Это твой, а это другого ученика. Посмотри внимательно, тебя ничего не смуща-

ет?

Я взяла листок с записями, стараясь не дрожать руками, и пристально вгляделась в него, узнав своей почерк с наклоном вправо и завитком у буквы «р». Мой результат имел тридцать пять баллов, а в другом было девяносто семь. И что это значит?

– Я не понимаю, что вы хотите этим сказать.

Мистер Мартин глубоко вздохнул, отложив листовки.

– Ты набрала меньше всех баллов по тесту. Если ты была внимательна, то наверняка заметила вопросы с подвохом, я не ошибаюсь? А ты точно заметила, потому что, судя по перечеркнутым ответам, ты много раз вчитывалась в вопросы. Так вот, Аманда, каждый вопрос и ответ имеет свой подтекст, который мы, психологи и психотерапевты, позже выявляем.

– Ясно, – мои пальцы железной хваткой вцепились за серую толстовку. В висках начало барабанить.

Только не это! Только не то, о чем я думаю!

– Аманда, это тест на психическое здоровье человека, и у

тебя зафиксированы какие-то нарушения.

Пропустив по спине мурашек, я прикусила щеку изнутри. Он знает! Знает!!!

– Я...

– Я должен сообщить об этом твоим родителям, ты понимаешь? Нельзя оставлять это без внимания. Это опасно, Аманда! – со всей строгостью проговорил он. – У меня есть хорошие знакомые, я направлю тебя к лучшим специалистам. Мой добрый знакомый может принять тебя, вы побеседуете, ответишь на пару вопросов, и мы поймём, в чем дело.

Боже! Он расскажет все родителям! Я готова упасть перед ним на колени и заплакать. Вот и все, конец моей тайне! Но хуже всего, Мартин намеревается записать меня к какому-то доктору. А если он поймёт, что я больна шизофренией?!

– Мистер Мартин, сэр, в этом нет необходимости, то есть... – главное быть убедительней. Я более-менее успокоилась, выполнив интонацию. – Они и так обо всем знают. Мы уже посещаем специальный центр, уже начался курс лечения.

– Курс лечения? – недоверчиво переспросил тот, изогнув

одну бровь. – Если так, то вы должны были поставить меня, школьного психотерапевта, в известность. Я тоже должен вести заметки и наблюдать за тобой.

Он не успел договорить, как я, с натянутой улыбкой, его перебила:

– Сэр, мои родители и я не хотели бы распространяться об этом.

Надеюсь, я прозрачно ему намекнула.

– Аманда, я давал клятву Гиппократу, никто бы не узнал о твоей проблеме, – «о твоей проблеме» пульсировало в голове. – В любом случае, если не сложно, могли бы твои родители навестить мой кабинет? Мы все обсудим.

Господь всемогущий, успокойте этого мужика! От паники я не в состоянии толком говорить, поэтому я постоянно кивала.

– Конечно, но... просто они сейчас очень заняты, как будет окно в их расписании, мы сразу придём.

Психолог откинулся на спинку кресла и оценивающе, будто я манекен на витрине, изучил меня. Он смотрел в самую

душу.

– Ладно, но лучше не затягивать. Если обнаружится что-то серьёзное, я попрошу директора перевести тебя на домашнее обучение, ты же не против?

Черт, это, наверное, единственный плюс шизофрении. Хотя бы не буду видеть рожи двуличных козлов. Но что-то все равно мне не давало покоя... Я не могла успокоиться: ладошки стали потными и холодными, как лёд.

– Не против, только не думаю, что у меня что-то серьёзное, – ответила с уверенностью я, и на лице мужчины расцвела одобрительная улыбка.

Мистер Мартин открыл шкафчик стола и немедленно достал визитку, протягивая её мне. Визитка... Значит он хочет, чтобы мои родители ему позвонили. Неугомонный человек.

– Передай это маме и папе. Пусть свяжутся со мной в самое ближайшее время, если это не составит проблем.

Периодически кивая на его слова, я прошла к двери, сгорая от желания поскорее остаться наедине, чтобы переварить этот неожиданный разговор.

– Хорошо, мне можно идти? – Мартин кивнул.

– Аманда, – окликнул он, и я обернулась, успев схватиться рукой за дверную ручку, – если тебе захочется поговорить, я всегда здесь.

Мило с его стороны, но он последний человек в списке, с кем бы мне хотелось обсудить свои проблемы. Скорее Лара с Алисой, уж точно не он.

– Спасибо. До свидания.

Неужели этот ад закончился? Я оказалась в коридоре и сразу переменялась в настроении, более не имея сил притворяться. Я хотела разрыдаться на месте, однако испугалась, что Марин услышит мои всхлипы, поэтому побежала в уборную. Все тело сразу начало гореть. Слезы размазали собой картинку, я не успевала выпускать одни дорожки, как глаза вновь наполнялись бусинами. Душа рвётся на части от одной лишь мысли, что я шла по лезвию ножа. Мне так страшно, что родители могут узнать правду, а ещё страшно оказаться в психушке. Но я им ни в коем случае не скажу. Снова внутри что-то пробудилось, точно спящий злой дракон. Звон голосов начал увеличиваться, они все оглушительно орали! Я не могу разобрать, что они говорят и что им вообще нужно. Однако они точно обращались ко мне и, кажись, смеялись. Не

понимаю, где мои мысли и где мысли внутреннего «я». Почему это просто не может прекратиться?! Боже, я действительно больна...

Глава 2

Еще минут пять, и слезы кончились. Я наконец-то ощутила опустошение. Это глубокое чувство, которое вводит в некий транс – тебе остаётся только глазеть в одну точку. Быть морально убитой – одно, а эмоционально – другое. В данный момент, я именно что убита. Иной раз голоса в голове настаивают, чтобы я покончила с собой, просто взяла и покончила. Пошла домой и сделала это. Набрала воду, взяла лезвие... Или перешла дорогу на красный свет. Сунула в рот как можно больше таблеток. Это же так легко – прервать свою жизнь, но нет, рано. Я не собираюсь уходить, пока не побываю на концерте любимой группы, пока не увижу вживую своих любимых актёров и писателей. Шизофрении придётся подождать.

И так, я сбежала с уроков. Домой, в свою крепость, чтобы успокоиться и хорошенько обдумать дальнейшее развитие событий. Я до сих пор не переварила то, что узнала, или точнее то, что узнал Мартин.

Холодный ветер развивал мои тёмные пряди в сторону, они то и дело лезли мне в глаза и приходилось периодически заправлять их за уши. Город сегодня кажется особенно хмурый. Я полагаю, это связано с тем, что мое настроение

подпорчено, поэтому, по закону жанра, мир лишается своих красок для большего драматизма. Погода не сулила просветов: небо пасмурное, но солнце пыталось пробиться сквозь грозовые тучи, нависшие над городом словно знамение. Забавно, солнце подобно некоторым людям, которые отважно бьются с проблемами, чтобы в конце концов поразить своей ослепительностью. Грустно, что не каждое такое солнце способно взойти.

Если отвлечься и взглянуть перед собой, то ничего необычно не заметить. Всё такие же голые деревья, осунувшиеся от времени и суровых зим, элитные магазинчики, забитые очередями, офисные здания, на которых, точно бородавки, всюду наружные блоки кондиционеров. Хоть улицы пестрят постройками, мимо проносящихся автомобилей, они по-прежнему для меня пусты, потому что я не чувствую жизни.

Считая про себя шаги и проваливаясь в темноту собственных мыслей, я особо не смотрела на дорогу и умудрилась в кого-то неудачно врезаться. Черт! Макушка, принявшая весь удар на себя, сию секунду затрещала, отчего я ойкнула, прищурив глаза на незнакомца напротив. На вид ему где-то столько же, сколько и мне, похож на коренного американца. Парень о чём-то спрашивал меня, чуть нагнувшись вперёд, только я лишилась дара речи, без стеснения его разглядыва-

вая. Он высокий и в хорошей форме. О таких говорят «не толстый, не худой». Одет не вычурно: на плечах утеплённая джинсовая куртка, штаны и синяя шапка, из-под которой торчала тёмная чёлка. Этот парень, имени которого мне не повезло знать, хорош собой. Настолько, что я занервничала в его компании: по сравнению с ним, я белая ворона.

Вдруг его глаза коньячного оттенка уставились в мои, и, наладив зрительный контакт, от смущения я опустила подбородок вниз, а следом и мои волосы повисли, как листья ивы. На мгновение я собралась с мыслями и выдохнула, но стоило незнакомцу заговорить, как внутри меня завязался узел.

– Извини, – его голос очень приятный, нежный, даже в какой-то степени музыкальный. Понятия не имею почему, но его тенор напоминал мне голос одного певца.

Я заставила себя поднять голову и вежливо улыбнуться.

– Нет, это вы меня простите...

Как ловко этот парень перешёл на «ты».

– Измеряешь шаги? – он кивнул на мои ноги, и по его улыбке было ясно, что ему кажется это забавным.

С чего он вообще взял? Я бы не стала заниматься подобной глупостью... Другое дело считать их – да, вот это достойное занятие. Боже, о чем я вообще думаю!..

– Вообще-то считаю, но... Уже сбилась.

– Причудливо, – подметил он с непривычной для меня доброжелательностью. Любой другой человек, скорее всего, меня бы просто образовал ненормальной, что не далеко от правды.

– Спасибо, наверное? Меня, кстати, зовут Аманда.

«Зачем ты представилась?»

«Не знаю!»

«Ты идиотка!»

«Сама идиотка!»

Закончив препираться с внутренним голосом, я пристыженно поджала губы в ожидании любой реакции. Может, мне повезёт, и он просто молча уйдёт?

– Сэм, – ответил он с энтузиазмом.

Отлично, возможно, он не принимал меня за дурочку. Я широко улыбнулась ему, не зная чего бы добавить, поэтому, перенервничав, я закивала головой. Минуты, секунды, иначе говоря, время отступило, и весь мир остался где-то позади. Ветер теребил кончики волос, как бы подгоняя к следующему шагу, о котором я не имею ни малейшего представления! Не понимаю, это дело рук шизофрении? Почему я стояла столбом? Мы не думали заканчивать наши гляделки, и на мгновение я забыла о навалившихся проблемах, окунувшись в омут Сэма. Чересчур странно, даже для меня.

Я не упустила из виду, как один прохожий пристально наблюдал за мной. Мужчина в капюшоне с выпученными круговыми проходил мимо. Знаю, нельзя судить по внешности, но этот тип из-за своих ужасных кругов под глазами и болезненной желтизной кожи походил на заядлого наркомана. Я испуганно нахмурилась, уставившись на того в ответ, и лишь тогда он сразу же отвернулся. Я задалась интересным вопросом, а не очередная ли галлюцинация этот человек? Вдруг он плод моего воображения? Серьезно задумавшись над этим, я просмотрела какое-то движение рядом, а вернув внимание к Сэму, никого перед собой не нашла. Он словно испарился. Сбежал...

То чувство полноценности, возникшие при коротком разговоре с Сэмом, сразу иссякло. Ещё мгновения назад я могла быть уверенной, что этот «неисчерпаемый источник» ни за что не иссохнет, однако Сэм ушёл, и вместе с ним исцеляющая вода. Мне трудно разобраться в своих ощущениях, но вы когда-нибудь сталкивались с человеком и думали «это судьба?». Почему кажется, словно я знаю его сто лет? Да, при этом, совершенно его не зная. Только имя. Не больше: ни адреса, ни сотового, даже фамилия мне неизвестна. Личность Сэма – тайна, покрытая мраком. Но благодаря ему, пусть и ненадолго, но я забыла обо всем грустном, и это было здорово – стать на мгновение свободной.

Открыв ключом дверь, я вошла в коридор с крошечной темнотой. Интуитивно хлопнув ладонью по стене рядом, я нажала на выключатель, и в доме загорелся свет. Тут никого, если не брать в счёт сквозняк, разгулявшийся в моей комнате. И все по моей рассеянности! Чертыхнувшись, я подбежала к окну и прикрыла его, чтобы ветер перестал насыщать холод, которого во мне было предостаточно. Оконная рама высокая и имела большой внутренний подоконник, на котором обычно вечерами я обожала сидеть и читать романы, запивая это дело фруктовым чаем. Мне нравилось создавать уютную атмосферу, поэтому для лучшего эффекта я развесила жёлтые гирлянды. Они справлялись со своей задачей на

пять с плюсом. Глядя в окно, я нередко представляла, как девушка и парень танцевали вальс под дождём, смеясь кружились, не отпуская друг друга. После этого парень обязательно целует свою даму, и занавес опускается. Меня никогда не любили. Таких, как я не то, чтобы не любили, таких вообще не замечали. Быть может, поэтому меня тянет к романтическим фильмам?

Пока не вернулись родители, я решила немного прибраться. Им точно позвонят из администрации, чтобы сообщить о прогуле, так что беды не миновать. Потихоньку подтирая мятые вещи с пола, я бросила их в шкаф, который лучше не открывать ближайшую вечность. Махровый пушистый ковёр ласкал ступни и теперь был хотя бы виден. Затем я застелила постель и освободила тумбочку из плена пустых чашек из-под чая. Мыть я их, правда, не стала, потому что знала, что мама справится лучше.

Когда с уборкой было покончено, я встала посередине комнаты и застыла, осознав, что даже это дело не помогло мне забыть о встрече с тем высоким парнем. Я думала о нем всю дорогу, один раз чуть ли не вернулась на место нашей встречи. А как забыть такой красивый и до жути знакомый голос? Его губы, цвета малины?

Глаза чудные, с густыми ресницами и улыбкой, которая заставляет сердце биться чаще. О господи, я точно начита-

лась любовных романов! Даже звучу, как те самые героини, встретившие свою судьбу. Нет уж, пора заканчивать сводить любую мысль к Сэму и вернуться к насущным проблемам, типа психолога мистера Мартина.

Однако на ум ничего путного не приходил, кроме как избегать его и вести себя, будто ничего не случилось. Увы, я не фея с волшебной палочкой и не могу одним взмахом руки избавить себя от шизофрении. Ко всему прочему, зная симптомы и их проявления, не значит, контролировать болезнь. Я не помогаю себе, а просто... держу на чеку? Да, точно. А поможет мне в этом дневник, который я спонтанным образом решила вести. Долго молчать о тайне невыносимо, тем более если нет человека, которому можно её заверить. Так почему бы неодушевлённому предмету не стать моим первым другом?

Взяв с полки «нового лучшего друга», я села на белый коврик и перелистнула страницу. Мне подарили его на шестнадцатый день рождения, но до этих пор я им не пользовалась. Наверное, просто пришло время.

«Дорогой Дневник, привет....»

Нет, это глупо. Вырвав страницу, я перевела дыхание и попробовала вновь.

«Дорогой дневник, я точно не знаю зачем пишу эти строки. Мне кажется, я устала играть в молчанку и притворяться. Это неправильно – лгать всем вокруг, особенно родителям. Я знаю, что больна и схожу с ума, знаю, что постепенно умираю, но страх оказаться в смиренной рубашке слишком силён и не позволяет мне сделать шаг к излечению. А могу ли я вообще стать такой, как прежде? Люди с шизофренией не способны до конца избавиться от своей болячки. Хах, похоже, мы прокляты...

Сегодня я решила, что буду стараться исправить себя хотя бы потому, что скоро повторный тест, который сыграет в моей жизни важную роль. Мистер Мартин большая зануда. Навряд ли он теперь оставит меня в покое.

Страшно ли мне? Да, поверь, чертовски, но я справлюсь. Безумие – это не диагноз, а преимущество».

Поставив точку, я отодвинулась от записей и оценивающе взглянула на получившийся текст. Откровенничать, честно говоря, я не умела, но для первого раза вышло довольно-таки неплохо.

Вдруг раздался страшный шум. По спине пробежали мурашки: я боялась, что снова час галлюцинаций. Они могут быть разные и также внезапно появляется: от милой старушки до страшного клоуна-убийцы. Сердце гулко выло, будто

метель пыталась пробиться сквозь щели в окне. Я сглотнула и убрала дневник в сторону, приняв боевую стойку. Шум стал чётче и гораздо ближе. Он исходил снаружи. Соскребав всю имеющуюся смелость, я медленно подошла к подоконнику и схватила первое, что попало под руку. Линейка. Seriously?

Скрежет не дал мне вдоволь поглумиться над собой, поэтому я вгляделась в окно, однако, кроме своего блеклого отражения, никого не рассмотрела. Так мне показалось в первую секунду, а затем... передо мной, будто черт из табакерки, появилась знакомая макушка с шапкой.

Стоп, что? Я настолько ошеломлена происходящим, что, обняв линейку, выпученными глазами таращилась на непонятно откуда взявшегося Сэма. Как он оказался у моего окна, каким образом вскарабкался и для чего вообще пришёл? Что происходит?

Не зная как поступить, я сделала то, что показалось наиболее разумным: открыла окно и впустила неожиданного гостя, чтобы обо всем разузнать. Он с грохотом буквально вваливается в мою комнату, при том надрывая живот от смеха. Глазам своим поверить не могу! Ему ещё и смешно? Растерявшись, я толком не понимала собственные чувства. С одной стороны, мне жутко странно, потому что этот человек

пришёл ко мне домой, хотя мы даже не друзья. И не знакомые. Кто мы друг другу? А с другой, я рада, что он здесь.

– Что ты тут делаешь? Как ты меня нашёл? – я в спешке закрыла окно и встала перед гостем в требовательной позе.

Пусть знает, что я им недовольна. Его поступки с маниакальными наклонностями мне не нравятся!

– И тебе привет, Аманда.

– Что ты тут делаешь? – повторилась я.

– Я здесь недалеко живу, мы почти соседи!

Что? Это правда?

– Шутишь? – со скептицизмом спросила я, скрестив руки на груди.

Сэм лучезарно улыбнулся в ответ, после чего с детским любопытством изучал мою спальню. Он задумчиво замычал, кажется, совсем не беспокоясь, что пришёл в дом первой встречной. Честное слово, он чудаковатый, даже больше меня.

– Значит, это твоя комната? – бросил короткой взгляд в мою сторону брюнет, одарив тёплой улыбкой.

И только сейчас до меня дошло, как вовремя я решила убрать грязные вещи.

– Да, но речь не об этом, – с лёгким раздражением напомнила я, нахмурившись, – как ты меня нашёл? Как вообще здесь очутился? Ты что, следил за мной?

Боже, пусть он не окажется серийным убийцей или маньяком! Судьба ко мне слишком несправедлива.

– Следил – громко сказано, – чавкнул Сэм, прищулив веки, будто решал сложную головоломку.

– Тогда что?

– Я случайно увидел, как тыходишь в этот дом. Я же сказал уже, мы соседи. А из всех комнат, только в этом горел свет, – кивнул он на включённый ночник.

– Окей, – протянула я с сомнением, все ещё не веря в случайность.

Слишком уж много на сегодня случайностей. Наступила

неловкая пауза: я с осторожностью наблюдала за брюнетом, пока тот бродил от угла к другому, с интересом разглядывая мои книги на полках, школьные принадлежности и бижутерию, точнее то, что от неё осталось. Да, выражение «чувствуй себя как дома» явно не для всех.

– Ну что, как будем веселиться? – Сэм бодро вздохнул, прерывая молчание, и я заметила морщинки под его глазами.

– Что?

Это шутка. Точно шутка.

– Не хочешь посмотреть фильм? Или просто поболтаем? Может, у тебя найдутся настольные игры? Я не против шарад.

Вопреки всему, мне с ним комфортно. Факт, что я знаю его от силы десять минут, конечно же, настораживал, но отрицать свои ощущения будет нечестно, в первую очередь, по отношению к себе. Я поморгала пару раз, отгоняя навойливые мысли и забрала у Сэма дневник прежде, чем он успел его открыть. Ухмыльнувшись на это, брюнет извинился, плюхнувшись на кровать. Чудак, к тому же нагловатый!

– У меня есть свободное время. Что ты на это скажешь? –

не сдавался тот, поправляя подушку под своей головой.

– С ума сойти, то есть, ты это серьезно? А ничего, что мы нисколько друг друга не знаем? Мы столкнулись на улице, потом ты приходишь ко мне домой, но! – взмахнула пальцем я, повысив от волнения голос. – Но забываешь о существовании входной двери, а залезаешь в окно, как грабитель или убийца! И потом ты предлагаешь мне сыграть в шарady? Seriously?

Сэм спокойно дождался конца моей эмоциональной тирады, потом задумчиво прикусил губу и закивал головой.

– М, да, – ответил он.

Я ахнула.

– Ты сумасшедший.

– В таком случае, давай знакомиться поближе. Я здесь именно для этого.

Щёки вмиг вспыхнули, и я отвела взгляд, поджав уста от смущения. Он сказал это искренне? Сэм наклонил голову набок и кокетливо заулыбался, поймав меня с поличным.

Поддавшись его чарам, я присела рядом, стараясь более не выдавать свои чувства.

– Значит, ты не маньяк? – шуточно парировала я, вызвав у Сэма смешок.

Он даже смеялся красиво. Такое вообще законно?

– Любая моя жертва скажет тебе, что нет, – вдруг серьёзным видом уколол меня взглядом Сэм, отчего я оторопела, не сразу поняв шутку. Брюнет заливисто захохотал, обнажая ямочки на щеках.

Я закатила глаза.

– Очень по-взрослому.

– Прости, не думал тебя напугать.

– Я не испугалась! – цыкнув, ответила я. – Просто не ожидала такой быстрой смены настроения. Сколько тебе лет, раз шутишь, как дурак?

– Мне скоро восемнадцать.

– Да? А на вид все тридцать пять. И так, Сэм, у тебя жут-

кий юмор и тебе тридцать пять лет. Что ещё мне о тебе нужно знать? Надеюсь, ты не пришелец?

— А, точно, забыл сказать. Моя летающая тарелка припаркована за углом.

— Ты — идиот, — сощутив веки, цокнула я, несильно боднув брюнет в живот.

Он улыбнулся одним уголком рта и пристально посмотрел на меня. От этого сердце содрогнулось, я чуть ли не подавилась воздухом.

— Не зря я проследил за тобой, — ни с того ни сего произнёс тихо Сэм.

Я в удивлении вытянула лицо и отдалилась от него, не понимая, о чем он говорил. Неужели это чистосердечное признание? Но ведь Сэм настаивал на другом... Соврал, подлец. Я оставила его реплику без комментария, продолжая бурлить того ожидающими глазами, поскольку Сэм мог скрывать что-нибудь ещё.

— Ты мне стала интересна.

«И поэтому ты куда-то сбежал, а не как все нормальные

парни попросил мой номер?», – пронеслось в голове, но я не стала говорить это вслух. Ещё зазнается, подумает, мне хотелось внимания.

– Вот как, – протянула я, – если не маньяк, так сталкер. Ты невероятный...

Сэм в который раз за эти злосчастные минуты заставил температуру моего тела колебаться: то мне жарко, то мне холодно, стоит ему задержать взгляд на моем лице.

С этим человеком я ощущаю себя простуженной.

– Не каждый день приходится знакомиться с девушкой, которая считает свои шаги, – пожал плечами брюнет в оправдании, добавив, – и вообще, как говорит мама: «Первые мысли в голове всегда гениальны», а я сразу подумал быть к тебе ближе.

Ого. Могу ли я считать его слова за признание?.. Мне польстило внимание Сэма, он первый парень, заинтересовавшийся во мне как в девушке. Удивительно, Сэм очень симпатичный, даже осмелюсь сказать, красивый! Как такому парню могла приглянуться шизофреничка? Ах точно, он же ещё ничего не знает...

Отмахнувшись от дурацких мыслей, я только было откры-

ла рот, чтобы ответить ему, но мне помешали: входная дверь захлопнулась, и мы оба слышим голоса родителей. Адреналин ударил в голову, я в панике вскочила вверх и замерла на одном месте. Если мама с папой увидят мальчика в моей спальне, то могут не то подумать, а затем начнут донимать меня очередными расспросами. Ненавижу, когда они так делают!

Схватив Сэма за плечи, я, ничего не объясняя, повела его обратно к окну, подгоняя бурчанием под нос «скорее!». Тот с недоумением смеялся, оглядываясь за спину.

– Что ты творишь? – из-за своего высокого роста Сэм видел лишь мою макушку.

Я на миг бросила в него беспокойные взгляд, им пытаюсь передать весь масштаб катастрофы.

– Мои родители вернулись, они не должны тебя здесь видеть!

Я распахнула окно, и парень второпях полез в него. Он вдруг остановился и одарил меня внимательным взглядом, но я долго не понимала его намеков. Вскоре я вспомнила про его верхнюю одежду, и, взяв куртку в охапку, я бросила её ему на голову. Тот, к счастью, не обиделся, наоборот звонко

рассмеялся, пока я дрожала, как осиновый лист от страха, что родители ворвутся сюда в любую минуту. Наконец, парень спустился вниз.

– До завтра, Аманда! – улыбнулся Сэм на прощание, а я осознала, что он собирался увидеться вновь.

Впервые меня не тошнило от щекотки в животе. Улыбка, словно запечатанная на губах, не сходила с лица ещё пару мгновений. В голове столько вопросов: Кто он? Что ему нравится? Он всегда такой самоуверенный? У него есть девушка?

Последняя мысль не к черту, но она все же пробежала по больным стенкам мозга.

Дверь спальни резко распахнулась, и в комнату вошли взбудораженные родители. Они с каким-то недоверчивым взглядом рыскали по углам, при этом не роняя ни звука, будто им известно, что здесь был мальчик. Надеюсь, дело не в этом. Стоп, а если доктор Мартин уже сообщил им о нашем разговоре? М-да, тогда все предельно ясно. Меня потряхивало от неведения, поэтому я решила заголосить первой.

– Что? – бросила я, пройдя к кровати, где две минуты назад сидел Сэм.

Надо оставаться хладнокровной до последнего, тогда, возможно, они ни о чем не догадаются.

– Ты сбежала с уроков? – мама вытянула телефон, то есть ей звонили из администрации.

И я смогла спокойно выдохнуть. Получается, никто ничего не знает, что уже хорошо. Осталось лишь заблокировать номер мистера Мартина в мобильных родителях, – и всё, дело в шляпе. Правда нельзя усыплять свою бдительность: Мартин способен на многое. Он человек упёртый.

– На то были причины, – лениво ответила я, зевая.

– Какие ещё причины? Никаких причин быть не должно, чтобы прогуливать школу, Аманда! Что ты себе напридумывала на этот раз?!

Разговоры такого плана меня дико раздражали. А подобные моменты просыпается плохая версия Аманды Хилл, просыпается злость. Я так и видела, как она распространялась по венам, вместо лейкоцитов. Опять. Опять плохая Аманда шепчет напасть на родителей, сделать им больно, навредить любым способом. Я никого перед собой не видела, но ощущала присутствие этой Аманды: она кружилась вокруг меня, словно вихрь ветра. Пульсации в черепной ко-

робке били по вискам, отчего создавалось впечатление, будто моя голова вот-вот рванет.

И тут щелчок.

– Господи, мне стало плохо, ясно?! Хватит лезть в мою жизнь! И хватит входить в мою комнату без разрешения! Что вы ко мне пристали! Уходите вон! – я закричала неожиданно даже для самой себя.

Родители не были готовы к такому всплеску эмоций, поэтому чуть отшатнулись, сконфуженно переглянувшись. Я не знала какой выглядела сейчас в их глазах, но судя по их красноречивым лицам, я чудовище.

– Аманда, ты наша дочь! И хочешь ты того или нет, мы будем вмешиваться в твою жизнь! – папа старался держать себя в руках, но его убийственный взгляд говорил об обратном. – И как ты с нами разговариваешь? Что за тон? Что за слова?!

Будь я на его месте, то давно бы влепила себе оплеуху.

– Выйдите из моей комнаты! Оставьте меня в покое! – не сдавалась я, свирепствуя подобно дикой кошке, пойманной в мешок.

– Доченька, что с тобой? Почему ты так себя ведёшь?.. – у мамы глаза на мокром месте. Она бегала ими по мне с затравленным видом, заставляла ненавидеть себя за грубость.

Папа опустил ладонь на её плечо, и, нежно погладив, поддакнул маму к выходу.

– Этот разговор ещё не закончен. Посиди и подумай о своём поведении, Аманда.

Они ушли и оставили меня одну, как я и хотела. Но, может, этого хотела не я, а болезнь? Слезы брызнули из глаз в тот же миг, как закрылась за родителями дверь. Я осела, обняв колени руками, и позволила себе выплакаться. Страдать от вспышек гнева очень страшно, тем более, когда они могут тебя убить. Шмыгнув носом, я подошла к двери, чтобы лучше слышать голоса родителей за стенкой. Они говорили обо мне.

—...Это просто переходный возраст, все пройдет! Я уверена, – кормила себя напрасными надеждами мама. Я сжала рот ладонью, боясь выдать себя всхлипами. – Вспомни, раньше она была совершенно другой! Такая веселая, лёгкая! Поэтому я переживаю... Может, у неё какие-то проблемы, а мы не замечаем?

– Спокойно, Лилиан, мы выясним, в чём дело. Но её поведение неприемлемо! В следующий раз она будет наказана.

Мне так больно: все сводится ко мне, но я не справляюсь с эмоциями. Все чувства обостряются и образуется торнадо, которым управляет другая Аманда. Меня грызут опасения, что может произойти страшная вещь. Особенно ночью, когда комната наполняется тенями. Мне мерещится разная дрянь, и если в детстве меня спасало одеяло, то теперь оно лишь временное убежище, но не надёжный защитник. Я боюсь открывать лишний раз глаза, боюсь увидеть перед собой какого-то «человека», которого нет в природе.

Загоревшись идеей постараться вывести что-нибудь новое о шизофрении, я включила компьютер. Мне срочно нужно узнать, возможно ли хотя бы сдерживать безрассудство. Повсюду только описание симптомов, их проявление, симптомы, симптомы и никаких советов об удержании этого отклонения. Расстроившись, я пнула кулаком клавиатуру и поморщилась от боли. Вдруг комната пошла ходуном, будто одну часть дома оторвали и бросили в море разгар урагана. Мне холодно, до невозможности холодно со спины, аж волосы на руках дыбом. Минута, длинную в вечность.

Осторожно обернувшись назад, я ожидала застать очеред-

ного уродца-галлюцинацию, но к моему везению все было спокойно. По крайней мере, до этих пор.

Внезапно на стенке образовалась чёрная воронка. Она круговыми оборотами бродила по поверхности и в ней сверкали то от молнии, то ли фейерверки. Я застыла статуей, не решаясь двигаться. Вдруг эта чёрная дыра засосёт меня внутрь? Я не хочу! Не хочу в темноту!

Однако на этом кошмар не заканчивался: из чёрной воронки вышло нечто! – паукообразное существо, только вместо восьми пар лап, у него было восемь огромных красных глаз. Я вскочила с места и с округлёнными до предела глазами полезла на кровать. Эта тварь приближалась ко мне, шипя и угрожая двумя клыками. Кажется, он голоден, а я – десерт! Леденящий душу ужас сковал в невидимые око-вы. Я прилипла лопатками к стенке, не имея сил прекратить разглядывать своё отражение в красных «зеркалах». Существо высунуло змеиный язык и остановилось почти рядом. По спине и лбу полился холодный пот, ноги уже не держали меня, я скатилась на кровать. По-моему, волосы у меня больше не каштановые, они белые от седины.

Так больше нельзя. Я не могу стать ужином для этой твари! Где-то глубоко-глубоко внутри я осознавала, что это лишь мой бред, но осознание не помогало набраться смело-

сти. Оно живое и оно здесь! Сейчас!

– Пошел прочь! Исчезни!!! – я бросала в существо свои вещи, всё, что было под рукой, но тот успевал ловко отпрыгивать.

Боже, теперь мне куда страшнее. Судорожно пытаюсь найти оружие помощнее, я поползла к изножью кровати и дотянулась до рюкзака. Есть! Вытащив учебник по истории, я с размаху бросила её в монстра из моего подсознания. Паук с неприятным шипением, словно получив тяжёлое поражение, обратился в прах. Вслед за ним рассосалась чёрная дыра. Пару минут я просто сидела и пялилась в одну точку. Нет никаких сил. Паук мной не перекусил, но я чувствовала себя так, словно выпотрошили.

* * *

Школьные будни не желали заканчиваться. Постоянно возвращаясь к пережитому кошмару наяву, я сидела на скамье, наблюдая за жизнью сверстников. Какого это быть нормальным? Не трястись от паранойи, что в любой миг на тебя могут напасть чудовища? Мне искренне любопытно, смог бы кто-то из них выдержать то, через что прохожу я? Например, Билл: парень довольно умный, но строит из себя идиота в надежде понравиться одной девушке, у которой мозги размера с горошину. Или Фауста, лицемерная дрянь: она нена-

видит свою подругу, но притворяется, что обожает её, что она лучшая и незаменимая. А для чего? Верно, чтобы получать дорогие подарочки от богатенькой подружки. Не отрицаю, никто не ангел, однако примерять фальшивые маски – подло. Все, что мы делаем плохое, однажды вернётся к нам. Только будет больнее.

– Привет, – дружелюбно произнес кто-то надо мной.

Я вопросительно повернулась в нужную сторону и узнала своего одноклассника Майкла. А ему что надо?.. Он собрал на коленях руки в замок и подобно мне секундами ранее разглядывал всюду снующих учеников. Я совсем без понятия с чего он вдруг вспомнил о моём существовании, а ещё меня раздражала его кожаная куртка, похожая на куртку моего отца – ретро стиль. Похоже, он не заморачивается насчёт одежды: у него потертые почти до дыр джинсы и изношенные кеды. Чёрные волосы Майкла напоминали воронье гнездо, но ему эта прическа подходила. Лгать не стану, Майкл симпатичный, что ещё лучше, он весьма смыслённый малый. Ну с математикой у него точно проблем нет. И неудивительно, что мы с ним столь мало общаемся.

– Чего тебе, Майк?

Он хмыкнул.

– Ты помнишь, что нам задавали лабораторную работу по физике?

Физика. Ненавижу этот предмет. С самого первого дня, когда мы только начали её проходить, я поняла, что у меня будет неудовлетворительная оценка. Конечно, если не открывать учебник, то ничего не поймёшь. Но это ненависть с первого взгляда. Я и глазом не моргну, если однажды ко мне явится галлюцинация в виде учебника физики. Жуть этакая!

—...Завтра сдавать, а мы даже не начинали проводить опыт, – закончил говорить тот.

– Ладно, после школы пойдем ко мне домой и начнём готовиться, – я встала на ноги и кивнула Майклу.

Класс, вечер в компании учебника физики и старины Майкла Стивенса.

– Здорово, договорились! – слишком уж восторженно отозвался брюнет, помахав на прощание.

Я взялась одной рукой за лямку рюкзака и направилась в здание школы, однако Майкл вдруг снова ко мне обратился.

– Извини, если лезу не в своё дело, но ты вообще как? То есть, все в порядке? На тебе лица нет, – неловко почёсывая затылок, пожал плечами Стивенс.

Меня это не удивило. Всех волнует, что же стало с жизнерадостной Амандой Хилл. Когда они спрашивают: «Ты в порядке?», мне приходится кивать. Да, я в порядке. Может, не сегодня, не завтра, но я в порядке. А разве это кого-нибудь по-настоящему волнует? Нет, людям всего-то любопытно что со мной стало. Они гадают: умер ли у меня кто-то, бросил ли меня кто-то? Но, по правде, никому неинтересно, что со мной. Опять же – это игра.

* * *

Мы с Майклом молча топали ко мне домой. Погода солнечная, что не особо радовало. Можно подумать, якобы я фанатка дождя в сопровождении грозы? Ошибочка. У меня нет любимой погоды. Меня любая погода выводит из себя. Жаль, что не существует пустоты – ни солнца, ни облаков, ни туч, ни грозы, а лишь пустое небо. При этом, чтобы воздух был и не тёплым, и не холодным, а что-то среднее. По-моему, ненормально желать подобного. Ах, да, я забыла. Ненормальность – мое призвание.

– Ты далеко живешь? – спросил одноклассник, прерывая неловкую тишину.

Я осмотрелась. Дома красивые, большие, но одинокие. Либо это шизофрения постаралась, либо это просто детская фантазия, но я смотрела на дома и видела лица. Они разные, зависимости от фасада. Окна – это глаза, входная дверь – рот. У некоторых носы отсутствовали, но если есть балкон, то и у дома автоматически появляется носик. По окнам-глазам можно узнать какие дома весёлые, счастливые, а какие – несчастные, брошенные, печальные. И ты хочешь спросить у них: «Эй, друг, что не так»? Но не ждите ответа от тех, кто не дышит. А если и получаете его, то поздравляю – не такие уж мы с вами и разные...

Вообще-то я видела лица не только в домах, но и в машинах. Если фары прищуренные и вытянутые вбок, значит эта машина-азиат: возможно, китаец или японец, ну, или кореец. А если фары опущены вниз как-то угрюмо и злобно, тогда машина автоматически принимается за злюку. По бамперу определяешь: улыбается автомобиль или грустит. Можете смеяться, можете считать меня ненормальной (хоть так и есть), но меня такие вещи радуют, потому что я не чувствую себя одинокой.

– Нет, почти пришли, – после долгой паузы ответила я.

У Майкла в руках коробка с каким-то проектом для фи-

зики. Он тяжело дышал и шёл медленно, от усталости порой останавливаясь.

Я старалась этого не замечать и занимать себя чем попало. И здорово, поскольку мне повезло разглядеть фигуру через дорогу. Около пекарни стоял Сэм с пакетом. Он тоже меня увидел, широко улыбнулся и помахал.

Интересно, он придёт сегодня ко мне? Так хочется с ним поболтать, послушать очередные странные шуточки и краснеть от новых порций комплиментов.

– Аманда, помоги, пожалуйста... – сбоку закричал Майк, и я резко к нему обернулась.

Он положил коробку на пыльный асфальт, пытаюсь выровнять дыхание, держался за грудь. У него ужасная отдышка, словно пробежал эстафету. Я терпеливо подождала, пока он вновь набрался сил двигаться дальше, после чего вернула внимание обратно к Сэму. Но его уже не было. Трепет в груди, зародившийся благодаря ему, пропал быстрее, чем успел появиться. Когда человек западает в душу, ты не можешь его оттуда прогнать, это просто невозможно. Теперь этот человек часть тебя, то есть Сэм – моя часть. Нет-нет, я не влюблена. Я уверена в этом на девяносто девять процентов, потому что шизофреники могут принять галлюцинации за чувства,

а чувства за галлюцинации. Но этот один процент... У меня никогда такого не было, чтобы за одну встречу столь крепко привязаться к человеку.

Дома была только мама. Она быстро открыла нам дверь и, вытирая полотенцем испачканные в соусе руки, удивилась неожиданному гостю. Сейчас начнётся.

– Здравствуйте, миссис Хилл, – поприветствовал её вежливо Майк, кое-как держа на весу тяжёлый предмет.

Мама приветливо улыбнулась, пропустила нас внутрь и предложила Майклу помочь с громадной коробкой, но тот, поблагодарив, отказался.

– У нас общий проект по физике, так что... – для уточнения протянула, направляясь в комнату.

Нахватало ещё, чтобы мама раздула из ничего мелодраму. Она наверняка уже успела представить нас с Майклом в свадебных нарядах.

– Хорошо, конечно. Как сделаете работу, приходите ужинать! У нас жареный цыплёнок, – хихикнула мама, зачем-то подмигнув, но, когда в воздухе повис запах гари, она, завизжав, побежала прочь.

Судя по всему, жареный цыплёнок отменяется. Я пригласила одноклассника в комнату и прикрыла за ним дверь. К счастью, у меня было убрано. Видно, постаралась мама. Хотя, чего играть в паиньку? Быть неряхой не преступление!

Наконец, усевшись на ковёр, Майкл принялся раскладывать нужные предметы для задания: книги, тетради, огромные линейки-раскладушки, а также этот громоздкий прибор, из-за которого у него наверняка болели руки. Стивенс не похож на того, кто качается: уж слишком он хилый для качка.

– Начнём с азов, ты ведь читала тридцатую главу? – энергично вздохнул парень, взяв в руки ручку.

Сейчас он удивится.

– Нет, я вообще не открывала учебник, ни разу.

Майкл, как и предполагалось, ошарашено и немного осуждающе посмотрел на меня, нахмутив брови. Нервно теребя ручку, он откашлялся.

Я же говорила.

– Вообще? О чем ты думала, Аманда? От этой работы зависит наша оценка за семестр!

Почему людям трудно понять, что мне наплевать? Мне плевать на физику, плевать на свои оценки, на то, что будет дальше. Для меня главное не попадаться на глаза Мартину и пройти тот чертов тест.

– Ну, извини, мистер Всезнайка, мне было не до этого! – раздражительно фыркнула я, смахнув с лица прядь волос.

Плохая Аманда может взять надо мной власть, и тогда конец бедняжке.

– Ладно, не будем ссориться... – примирительно сказал брюнет, листая страницы учебника. – Ну, хоть что-то ты знаешь, да?

– Я знаю, что земля круглая. Достаточно?

Тут парень сорвался:

– Это не смешно, Аманда! Мы завалим проект!

Я круто подскочила с ковра и прошла к столу, где находилась шкатулка с потайным дном, где я хранила пузырёк с белыми таблетками. Зная своё положение, я купила лёгкое успокоительное, которое выписывают без рецепта. Надеюсь,

поможет.

– Блин, да пойми же, мне нет дела до физики и твоего провала! Понимаешь?!

– Да, понимаю... Понимаю, что мне придётся пахать всю ночь за двоих! – парень обиженно взглянул на меня исподлобья и начал впопыхах собирать вещи.

Он что, правда решил уйти? Я молча слежу за его неуклюжими действиями и не пытаюсь того остановить. Возможно, мое «прости» могло бы исправить ситуацию, но гордыня – мой главный, после вспыльчивости, недостаток. Майкл сложил учебники в сумку, а большой прибор обратно в коробку и поднялся на ноги, ни один раз не взглянув в мою сторону. Какой он, оказывается, ранимый.

– Ладно, проваливай! – крикнула ему вдогонку я, скрепив руки на животе.

Майкл настойчиво сохранял молчание. Он вышел из комнаты, и я не выдержала его безразличия, последовала за ним. Конечно, глупо было ждать, что он начнёт упрашивать меня поработать хотя бы немного, тем не менее я не ожидала столь решительных действий с его стороны. Меня это смутило.

Мама услышала шум в коридоре и с недоумением показала в проеме, вопросительно хлопая ресницами. На ней фартук, а на правой руке кухонная перчатка.

– Уже закончили? – удивилась она.

Парень развернулся и испытывающе, словно ждал моего шага, сузил веки. Но я стояла прямо, гордо задрав подбородок, словно правда на моей стороне. На самом деле, я понимала и принимала свою вину.

– Нет, просто Майклу уже пора домой! – буркнула я, облокотившись на стенку.

Наверное, сейчас наябедничает... Мама изогнула одну бровь, запутавшись в происходящем. Её взгляд замер на обиженном однокласснике, который улыбался как ни в чем не бывало.

– Извините, миссис Хилл, до свидания! – выдохнул тот, обувшись.

Окей, я чертовски недооценила Майкла. Ни одно его действие я не предвидела. Он не так прост, как кажется...

Не дожидаясь его ухода, я фурией рванула на кухню и

схватила очищенную морковь, которую подготовила мама для салата. На плите тушились овощи и слышался запах обещанного жареного цыплёнка. Мама быстрыми шагами оказалась напротив меня. Она сложила руки на пояс и кинула недовольный взгляд в мою сторону, ожидая объяснений. Я хрустела морковью, дёргая ногой вверх-вниз.

– Ну, и что это было? – подытожила та, понимая, что первый диалог я не начну.

Включаем режим дурочки.

– Ты о чем?

Мама подошла к плите и деревянной ложкой по часовой стрелке помешивала овощи на сковороде. Она боковым зрением наблюдала за мной и одновременно следила за прожаркой, что-то недовольно бурча под нос.

– Вы поссорились?

– Лично я ничего не сделала, он сам решил уйти! Ну и пусть, мне плевать.

– Аманда! – мама резко повернулась ко мне всем телом, устало выдыхая. – Что с тобой творится?! Может объяснишь,

наконец?! Ты перестала дружить с Алисой и Ларой, перестала выходить из комнаты, грубишь всем подряд. Как это понимать?

– Лара с Алисой просто выскочки, которым важна лишь популярность в школе. Мне не нужны безмозглые подружки без собственного мнения, мама! Если я тебя такой не устраиваю, то, пожалуйста, можешь отдать меня в детдом!

Мама в шоке раскрыла рот, не веря своим ушам. Я с ужасом осознала, что по её пухлым щекам спускалась слеза. Она схватилась за лоб и отвернулась, чтобы я не видела её такой уязвимой. Мама человек чувствительный и принимает всё близко к сердцу, а мои резкие слова стали для неё настоящим потрясением. Мне стыдно за свою жестокость. Видеть её плачущей невозможно, мне тотчас хочется врезать себе по голове. Ненавижу себя! Ненавижу себя за то, что довела маму до такого состояния. Никто этого не заслуживает. Самое ужасное, что может сделать человек – это ранить близкого. Моя мама святая женщина, которая с терпением и пониманием относилась к моим психозам. Я всегда у нее была на первом месте, даже папа порой жестко ревновал. И теперь «человек номер один» плюёт в её душу, бросаясь страшными вещами. Я не заслуживаю своих родителей, вот и вся правда.

Сглотнув горький ком в горле, я тихонько подкралась к

ней и обняла со спины. Её тело дрожало от всхлипов.

– Мам, прости меня... Я не знаю, что на меня нашло, – хрипло проговорила я, сморгнув слезинку на пол.

Как же мне хотелось сейчас сказать почему я так себя веду...

– За что ты так со мной, Аманда? – всхлипнув, спросила мама.

Мне нечего сказать в своё оправдание. Я ужасная дочь, ужасный друг, ужасный человек. Думаю, что мое рождение – это большая ошибка.

Глава 3

Я проснулась посреди ночи, захлёбываясь в слезах. Раздался душераздирающий крик, на который немедленно прибежали родители. Он потряс стены и, кажется, разбудил весь район. Ворвавшись в комнату, родителям довелось увидеть следующую картину: их дочь, подперев острые коленки, рыдала в подушку, со всей силы сжимая её в железных объятиях. Я почему-то была уверена, чем сильнее я к ней прижималась, тем скорее закончится истерика – эмоции били через край.

Мама, не теряя времени, подоспела ко мне и нежно обняла, оставляя на макушке беспорядочные утешительные поцелуи. Она всячески показывала свою поддержку, но важнее всего, она не стала засыпать меня расспросами, как обычно. Просто находилась рядом. Папа тоже поравнялся с ней, включив ночник, стал подозрительно изучать спальню.

Я пискнула «мне так страшно». Это вырвалось само по себе, я не осознавала, что происходило. Где реальность, где сон? Кто мне даст ответ?

Выпрямившись, я все ещё дрожала плечами и на могла выбросить из головы осознание, что меня пытались заду-

шить. Я проснулась из-за нехватки кислорода. И, увы, на сей раз это не галлюцинация, потому что подушка, которая сейчас намокла, была на моей голове. Я чувствовала сквозь сон тяжесть чужих рук, чувствовала как на грудь ложился чей-то вес. Только хуже вышеперечисленного то, что убить меня пыталась я сама же. То, что живёт у меня в голове – другая Аманда.

Боже, не верится, сегодня могла быть моя последняя ночь. Я боюсь умереть. Я хочу жить, жить здоровой и полноценной жизнью. Галлюцинации хотят избавиться от меня, только вот зачем? А точнее, за что? Оказывается, всё очень серьезно, ведь я не знала, что подобное возможно.

– Тише, дорогая, мы здесь. Тише, – погладив по спине, чмокнула меня в лоб мама. – Что случилось? – она лёгким движением вытерла дорожки слёз с моего лица.

– Мне приснился кошмар, – соврала я и крепко обняла маму, чтобы спрятать выдававшие глаза. – Прошу, не оставляйте меня одну!

Я не видела, но чувствовала, что родители обменялись взглядами.

– Аманда, я думал, ты достаточно взрослая, чтобы бояться

монстров из-под кровати, – пошутил папа, но мне было не до смеха.

Я боюсь вовсе не монстров под кроватью, я боюсь монстров в своей голове. Они куда реальнее.

– Все нормально, это всего лишь дурной сон. Хочешь, я сделаю тебе чай?

Отрицательно цыкнув, я обняла свои ноги и сглотнула, без конца потирая горло. Дышать до сих пор трудно, поэтому я старалась успокоиться и усмирить колотящееся сердце.

– Что тебе приснилось? – присел рядом папа.

– Можно я не буду рассказывать?

– Конечно, – с укором поглядела на отца мама, поправляя завиток моих волос за ухо. – Не нужно вспоминать дурное. Лучше попробуй снова заснуть.

Я послушалась совета мамы и укрылась одеялом, растворяясь в круговороте мыслей, вопросов, которые останутся без ответа и чувств. Интересно, они слышали стук моего сердца? Едва ли, ведь в таком случае мама бы точно настояла на ромашковом чае.

Разглядывая фотографирую в рамке у меня на тумбочке, папа предался ностальгии и тоскливо вздохнув, пожелав мне сладких снов. Я тоже люблю этот снимок. На нем мы все вместе: папа, с любовью обнимающий маму, и между ними я с улыбкой от уха до уха. Не помню, что меня в тот день так рассмешило, однако камера запечатлела даже мой кривой зубик, который спустя пару дней после фотосессии выпал. Хорошее было время – когда-то мы были по-настоящему счастливы. Грустно, что все хорошие моменты остались только на фотографиях.

– Спи, завтра будет новый день, – улыбнувшись, прошептала мама.

Нет, впервые мне не хотелось, чтобы родители оставляли меня одну. Мама выключила ночник, и я вздрогнула от волнения.

– Нет! Включи его скорее! – в панике потребовала я, на что родители, сами испугавшись, ахнули.

Свет в комнате вновь загорелся. Я в облегчении выдохнула.

– Спокойной ночи.

Дверь за мамой с папой захлопнулась, и тогда наступила зловещая тишина. Да, рядом никого и в тоже время со мной всегда рядом кто-то. Этот парадокс окончательно лишил меня сна.

* * *

Школьный коридор переполнен людьми. Их так много, что невозможно пройти в классы. С интересом обсуждая нашумевшую историю об ученице Беатрис Янг, покончившей жизнь самоубийством, ребята медленно толпятся в противоположные углы.

Если верить слухам, то Беатрис поступила столь опрометчиво из-за парня, который ушел к её сестре. Что ж... Представляю кем сейчас себя считает эта сестра. Каково быть причиной чужой смерти? Я бы на месте этой разлучницы полетела бы вслед за ней. А что насчёт слухов? Вы думаете, что кому-нибудь действительно жаль Беатрис Янг? Единственные, кто в самом деле горюет, так это её родители. Вот вам еще одна правда жизни: как при жизни никому невыгодно видеть вас счастливыми, так при смерти всем на вас плевать. Люди – перерабатываемый пластик: от них одни проблемы, вы не замечали?

Я устаю глазеть на чёрную рамку с изображением покой-

ницы. Особенно меня раздражала надпись: «Помним. Любим. Скорбим». Какая фальшь! В этой школе пропадают великие актеры. Здесь же всем абсолютно плевать друг на друга! К чему эти неубедительные попытки показаться хорошими?

– Она была приветливой, – заметит голос позади меня.

Обернувшись за спину, я застала в шаге от себя Майкла, в руках которого были две зеленые тетради.

– Считаешь, это какого-то волнует?

– Разве нет?

Я изогнула бровь, поражаясь его наивности.

– Нет. Всем плевать. Умерла и умерла. Дело в стадном чувстве: каждый делает то, что делают остальные, чтобы не выделяться из толпы и не стать изгоями.

Вежливо дослушав тираду до конца, Майкл откашлялся и протянул мне одну из тетрадей.

– Что это? – в недоумении нахмурилась я, принимаясь рассматривать записи. Физика...

– Ты думала, что я позволю тебе завалить предмет?

Вот как... Я улыбнулась. Несмотря на то, что я ему наговорила, он все равно помог мне. И честно говоря, я удивлена. Прежде ни один человек в этой школе не пытался хоть как-то меня выручить. Похоже, не все в этом мире полны безразличия к ближним. По крайней мере, Майкл Стивенс.

Туман образовался в глазах, и я бросилась в его объятия, внутри вопя во все горло: «спасибо, спасибо, спасибо». Это было неожиданно даже для самой себя, но я полагалась на свои ощущения, а когда Майк ответил мне взаимностью, я вообще расслабилась. Обо мне, кроме родителей, некому заботиться и переживать, а тут столь приятный сюрприз. Конечно, он сумел растопить лёд в моем сердце.

– Ах, Хилл нашла себе дружка, только посмотрите! – раздался писклявый голос сбоку.

В моих глазах тотчас загорелся пожар, и я резко отодвинулась от Майкла. В коридоре никто иные, как Лара с Алисой и их «шестёрка» или же просто хвостик Маргарет. Лара деловито накручивала свои белокурые локоны на указательный палец, оценивающе хмыкая, а её подружка хихикала подобно крысе.

Противные девицы. Видимо, они пришли мстить за мой нехороший поступок в прошлом, но эти безмозглые куклы не знают, что во мне скрывается или, точнее, «кто».

– Найдите себе другое увлечение, ладно? – я еле держала себя в руках, лишь потому, что мы в школе. А проблемы мне ни к чему.

Лара ехидно фыркнула, не обратив внимания на сказанное.

– Ты ли будешь нам указывать, Аманда? Сделай одолжение и вернись в дыру, из которой вылезла, – прошипела, как змея Алиса, вот тогда я устремила на неё свой безумный взгляд.

Да, и как мы могли быть друзьями? Ума не приложу. Её фиолетовые от помады губы дернулись в усмешке на мою реакцию. Она наивно полагала, что сумела заткнуть меня.

– Расслабьтесь, девочки! – вмешался Майкл.

– А ты вообще заткнись, недомерок!

Вокруг нас собралась небольшая толпа из людей подоб-

ных Алисе и её компании. Впрочем, семьдесят процентов из ста здесь задиры и бунтари. Они явно пересмотрели дурацкие фильмы с одним и тем же сюжетом. Нет, я бы не хотела вешать на людей ярлыки, они сами в этом деле преуспели. Я только констатирую факты.

Вдруг какой-то умник толкнул Майкла в плечо, отчего он врезался в меня с хорошей силой. Я шикнула от боли в ноге, поскольку Стивенс на меня наступил, и зло сжала кулаки. Ученики смеялись хором, глумились, не стесняясь в выражениях. В эту секунду я услышала женский голос в своей голове, он твердил: «Сделай это! Они заслужили».

Впервые согласившись со слуховыми галлюцинациями, мои руки полезли в карман джинсовых брюк и достали мятые зеленые купюры. На это и доллар потратить не жалко.

– Это того стоит, – приподняла уголки рта в многообещающей ухмылке я, остановившись у автомата с напитками.

Все ожидающе следили за моими замысловатыми действиями, предвкушая кульминацию и фантастический финал с элементами экшна. Сунув купюру в автомат, я достала газировку, открыла её, отчего многие слышали пшик и сделала непродолжительный глоток.

Мне нравится это чувство. Нравится, что они в ожидании моих шагов, нравится, что газировка охлаждает мой пищевод и пузырьки, лопающиеся у моего носа, тоже мне очень нравятся. Мне хорошо.

Решив, что демонстративная пауза затянулась, я вернулась обратно к Майклу и расцвела самой милой улыбкой, которую смогла из себя выдавить. Дальше – лучше. Ни один человек не ожидал того, что я обрызгаю злющих девчонок содержимым банки. Они завизжали так, будто упали в пролубь ледяного озера, и мне доставляло огромное удовольствие наблюдать за дорожкой их подтекшей туши.

Кругом мгновенная реакция подростков: она неоднозначная, потому что мало кто смеялся. В основном все торопились сделать фото и опубликовать в сеть. Даже, казалось бы, друзья Алисы.

– Освежитесь! – я бросила пустую банку в мусорную урну и гордо задрала подбородок.

Сегодня состоялась моя первая победа над злом. Гип-гип ура! Майкл, широко вытаращив глазёнки, усмехнулся над никчёмными попытками девочек поправить макияж с причёской. Он не растерялся и тоже, по-своему, вступил в борьбу со злодейками, послав их к черту средним пальцем. По-

лагаю, что для Стивенса это нечто большее, чем просто фак.

– Аманда Хилл, в мой кабинет, живо! – раздался неожиданный глухой крик.

Я оглянулась на громкий властный голос, заметив среди толпы нашего директора, который, судя по всему, стал свидетелем произошедшего. Все разом затихли и разбежались по сторонам, боясь примерить роль следующей жертвы директора. Майкл в сочувствии поджал губы, понимая, что меня ждёт впереди. Он, конечно же, мог остаться со мной и поддержать, только мы оба знали, что правило «берём численностью» в нашей школе не работает. Я велела ему не опаздывать на урок. Не хотелось, чтобы Майклу досталось из-за глупой, но весьма смешной выходки, о которой я пожалею, быть может, уже совсем скоро.

Моя шалость не удалась, и теперь я попала в паутину злого паука – директора. Он, сидя за своим столом, раздраженно постукивал пальцами и временами бросал в мою сторону укоризненный взгляд. Представьте человека чопорного и без чувства юмора, пришта сюда занудство и привычку лизать задницы богачам, и у вас выйдет Мистер Гроув. Он из тех, кто считает, что всегда прав. Любой побывавший в его кабинете скажет, что он дьявол.

– Твоё сегодняшнее поведение лишено всякого оправдания, Аманда! – начал он, машинально дотронувшись до своей плечи.

– Это не так, – возразила я.

– Что?

– Девушки, которых я облила, унижали меня и моего друга. Я должна была терпеть их оскорбления?

Гроув не ожидал протеста с моей стороны, он не привык к тому, чтобы его слову перечили. Поэтому директор недовольно насупился, оскорбленным моим сопротивлением. Как бы он меня не выставил вон... Он помнит меня скромной, милой девочкой, которая не способна обидеть и мухи. Это объясняет его сконфуженный вид.

– Нельзя отвечать на насилие насилием!

– О Боже, простите меня, мистер Гроув, но в наше время только так и общаются. Вы не знаете ничего о своих учениках и о том, что происходит в стенах этого учреждения. Говоря языком учебника истории, здесь творится междоусобная война! Одной рукой люди пожимают вашу ладонь, а другой вонзают нож в спину. Вот она правда, мистер Гроув.

Выпалив на одном дыхании истинные мысли, я спрята-
ла глаза вниз и умолкла. Директор просто сверлился с часа-
ми слева от нас и глубоко вздохнул. Он нарочно растягивает
мою «инквизицию», мешкал, игрался.

– Это ничего не меняет. Ты поступила жестоко, потому,
Аманда, ты отстранена от занятий на два дня!

– Что?! Мистер Гроув...

– Нет, не делай хуже. Собери свои вещи и покинь это шко-
лу на назначенный срок. Родителям сообщат о твоём про-
ступке!

Я сощурила веки и еле сдерживала слёзы несправедливо-
сти. Почему некоторым дозволено всё, а другим – ничего?
Ненавижу несправедливость! То, что меня не будет два дня
в этой колонии очень даже радует, но когда об этом узнают
родители... Двумя словами: мне конец! Как же мне хочет-
ся сейчас оказаться в глухом лесу, где есть только я и моя
собачка Догги, в своем маленьком домике, сидеть в мягком
кресле у камина и пить вкусное какао, перечитывая легкий
роман. Вот бы сбежать отсюда в другой мир.

* * *

Наступили сумерки. В домах напротив горел тёплый желтый свет. Глядя на это, я испытываю умиротворение, потому что вечерами наша улица полна уюта и меланхоличностью. Если бы ещё на фоне играла Лана Дель рей... Порой у меня не получается думать, в буквальном смысле этого слова. Пустота в голове, я ты сказала, прозрачна, словно я только что появившийся на свет младенец. Иногда мне это нравится – не думать. Если не думаешь, значит, не переживаешь.

Спустившись с подоконника, я повернулась к двери, ручка которой дёрнулась. Пришла мама. Я знала, о чем пойдет речь, и была полностью к этому готова. Тем более мне незачем умалчивать правду, виновной я себя не считала. Я только дала сдачу.

Пристально пройдясь по мне взглядом, мама медленно подошла к кровати и присела. Она не выглядела рассерженной или разочарованной, скорее уставшей. Да, я очень проблемный ребёнок. Мне кажется, она тоже так думает, но не может сказать вслух.

Молчание затянулось. Наверное, ей требовалось обдумать свои слова и действия. Мама очень терпеливый человек. Каждая мать заботлива, но моя превосходит в этом плане всех. Она понимающая и сердце её полно сострадания. Жаль, ей не повезло в одном – со мной.

– Тебе уже все рассказали? – с какой-то тоской поинтересовалась я, взглянув через окно на потемневшее небо.

– Хочу услышать твою версию. Что произошло? – она ответила вопросом на вопрос, но этого было достаточно, чтобы всё понять.

– Ничего, просто Алиса и её подружки оскорбили нас с Майклом. Я дала сдачу. Драма, – с насмешкой объяснила я и опустила голову в пол.

Мама закивала головой, будто поддерживала мой проступок. На самом же деле, это всего-то привычка.

– Директор сказал, что ты облила их соком?

«Молодец, молодец!», – мелькнуло, словно вспышка, перед носом, и я растерянно похлопала ресницами.

– Мне кажется, у тебя сейчас сложный период в жизни. Экзамены, выпускной класс – все это на тебя влияет. Правда же?

«Нет».

– Надеюсь, скоро это пройдет, – мама улыбнулась так, как

свойственно ей одной: с необъятной любовью.

Она не стала орать, она постаралась понять меня.

– Спасибо, мам... Я редко это говорю, но спасибо!

И я позволила обнять себя. Эти редкие, однако драгоценные мгновения я запираю в своём сердце. Возможно, сейчас самое время рассказать ей правду? Может, так мне будет лучше? Едва ли они упекут меня в психушку... Скорее попытаются исправить сбавившийся механизм в моей голове. Остаётся лишь гадать – и ничего больше. Потому что я не смогла признаться.

Расстроившись, я бросилась на кровать и подумала, что хотела бы вернуть в детство.

Однажды на мое седьмое Рождество папа сказал, что Санта Клаус – мой дедушка. Этой большой-маленькой ложью он сделал меня самым счастливым ребенком на планете. Представьте, что ваш дедушка Санта. Это ведь умереть как круто!

Когда мне было интересно, почему я его ни разу не видела, папа отвечал: «Он ведь Санта – занятой человек». Глупышка Аманда верила и хвасталась перед всеми, что её дед – сам Санта Клаус. Папа любил меня удивлять. Сколько выдуманных историй рассказывал он: где только не бывал мистер

Ди – выдуманный супергерой отца. Мистер Ди бывал в Гималаях, в Бермудском треугольнике, где поборол большого сверхъестественного осьминога; на Альпах, на корабле злого пирата. Сколько воспоминаний, которые теперь всего-то картинки в голове. Родители всегда радовали меня. Не скупались и дарили самые лучшие игрушки. А что взамен получили они? Дочь – шизофреничку!

Мои воспоминания развеял шум, исходивший из улицы. Отогнав мысли прочь, я с любопытством выглянула во двор и с неожиданностью для себя заметила карабкающегося к моему окну Сэма. Мне давалось чуть меньше минуты на то, чтобы понять, рада ли я его появлению или мне пора вызывать полицию? Но стоило ему поднять голову вверх и улыбнуться, как я почувствовала заряд тока. Удивительно, он ведь мне совсем чужой, случайный знакомый, и тем не менее, при виде него мне трудно дышать.

Пока никто из соседей не заметил нас, я распахнула окно и помогла Сэму пролезть внутрь. Под впечатлением происходящего, он засмеялся. Его смех... такой красивый и жизнерадостный. Приставив к своим губам палец и прошипев «тс-с-с», я задёрнула шторы, понадеявшись, что мама ничего не слышала.

Сэм стянул с себя куртку.

– Здравствуй, Аманда, – улыбнулся он немного иначе и вновь, как в первый день нашего знакомства, прыгнул на кровать.

Убедившись, что мама ни о чем не подозревала, заперла дверь на замок и со спокойной душой обернулась к брюнету. От него пахло корицей, моей любимой!

– Нет, всё-таки у тебя какие-то проблемы. Ты не дружишь с дверями? – притворно возмутилась я, хотя сама рада, что Сэм не стал звонить в парадную дверь.

– Я подумал, что так будет проще.

– Ты странный.

– Ну, это как посмотреть. Классные носки, кстати, – кивнул он на мои ноги.

Я проследила за его взглядом и с ужасом для себя поняла, что стояла в разных парах.

– Спасибо, – проигнорировала его насмешку, сделав вид, будто так и задумано. – Зачем ты пришёл?

– К тебе.

Его ответ меня застал врасплох, ведь я спросила его о другом. Он наладил со мной зрительный контакт. Сколько же в нем уверенности...

– Точно, – пытаюсь разорвать это странное магнитное поле, я перевела всё в шутку, – я и забыла, что ты сталкер.

Сэм тихо засмеялся, чуть наклонив голову назад. Я заметила у него родинку прямо на подбородке. Тяжело не пялиться на человека, когда он безумно красив, как Сэм. У него даже ресницы гуще и длиннее, чем у любой модели.

– Ладно, – шумно сглотнула я, и Сэм вопросительно дернул бровью.

– Что?

– Я дам тебе шанс узнать меня поближе.

Брюнет растянул уголки губ в довольной улыбке. Он вдруг перестал быть самоуверенным и смущённо отвёл взор в сторону, кажется, собираясь с мыслями. Неужели Сэм не ожидал подобного ответа? Или я повела себя легкомысленно?

Я испугалась, что испортила впечатление о себе и нервно поправила волосы за плечи, а тот в свою очередь потянулся к башенке коробок из-под дисков.

– Любишь смотреть фильмы? – внимательно изучая каждый, спросил Сэм.

– Скорее люблю пересматривать то, что уже видела.

– Правда? И тебе не надоедает?

В отрицании я покачала головой.

– Что ж, давай пересмотрим что-нибудь вместе?

Ни один мускул на его лице не дрогнул, он говорил со всей серьёзностью. Это странно, учитывая, что фильмы я смотрю только в одном жанре – мелодрамы.

– Ты пожалеешь об этом.

Сэм ухмыльнулся, оставив мой комментарий без внимания, и подошёл к компьютеру.

– Как насчёт этого? – протянул мне коробку в руку брюнет.

Его выбор потряс меня ещё больше.

– Но... почему именно «Приведение»? – искренне не понимала я.

Может, ему нравится Деми Мур?

– А что, хочешь что-нибудь другое?

– Нет, – остановила его я, коснувшись тёплой ладони. Сэм застыл, не отрывая глаз с наших рук. – Просто это мой любимый фильм.

Это не могло быть совпадением или случайностью. Как он мог выбрать именно его?

– Теперь и мой тоже, – сказал Сэм интонацией, из-за которой я вся покрылась мурашками.

Он совсем близко, настолько, что его дыхание обжигало мои губы.

«Наверное, сегодня он меня поцелует», – наваждением кружилась в мыслях. Я вдруг осознала, что сама бы этого хотела. Интересно, что я почувствую в тот момент?

Но Сэм внезапно отдалился, и мне стало пусто на душе. Это совсем не то, что я себе представляла. Почувствовав себя дурой, я села на изножье кровати и молча ждала, пока парень загрузит фильм.

– Забавно, что ты, мальчик, собираешься смотреть сопливую мелодраму.

– А что, по-вашему, мы не люди? Нам тоже иногда хочется посмотреть что-то без кишков и сальных шуток, – вскинул брови тот, и я задумалась.

Любопытно, все парни мыслят, как Сэм или он такой один? А Майкл стал бы смотреть мелодраму, попроси я его? Ну, впрочем, Майк на вид мягкосердечный, а вот за других парней из нашей школы я не поручаюсь. Они с удовольствием сходят на «Ходячих мертвецов».

– Что-нибудь принести поесть? – поинтересовалась я.

Сэм отказался от закусок, поэтому мы приступили к фильму Расстояние между нашими руками не больше десяти сантиметров. Брюнет успел подметить, что главного героя тоже зовут Сэм, после чего мы обменялись улыбками. Как и должно было быть, в конце фильма я разревелась. Сэм поз-

волил себе приобнять меня и даже протереть слезу со щеки. И почему я ничего ему не сказала, не возразила?..

– Ты в порядке?

Мне так часто задают этот вопрос, что готовый ответ висит на кончике языка, однако сейчас, рядом с этим человеком, я впервые хотела сказать правду. Дело не только в фильме. Я заплакала, потому что устала притворяться.

– Я боюсь, – прошептала я, опустив подбородок в пол.

– Боишься чего? Приведений?

– Я боюсь тебе доверять. То, что я хочу сказать, очень важно для меня, Сэм. Тебе можно верить?

– Да, – его игривость тут же спала.

Есть вероятность, что я совершаю ошибку, но как же мне не терпелось открыться ему. Прошло много времени прежде, чем я смогла набраться храбрости для откровенности.

– Я больна... У меня шизофрения.

– Что?

– Сейчас я не шучу. Сегодня ночью я чуть было не умерла, представляешь? Меня хотели задушить! – поддавшись эмоциям, я задрожала голосом и спрятала лицо в ладонях, вновь заливаясь слезами.

Каждое мною выговоренное слово, как кинжал в сердце.

– Кто? Кто это хотел сделать? – мне мерещится или он вправду переживал?..

– Галлюцинация! Сэм, мне чертовски страшно! Сегодня я действительно могла умереть!

Парень взял меня за руку, крепко сжав её, как бы говоря, что он рядом. Не в физическом плане. Он разговаривал со мной без слов, я видела разные чувства в его глазах. А время застыло.

– Твои родители знают? – спросил тот, но я промолчала. Он догадался, что нет. – Почему ты не расскажешь им об этом? Это ведь не шутки!

– Не хочу пугать их, – убрала руку я, понимая, что вновь раздражаюсь.

Меньше всего на свете мне хотелось навредить ему. Трепет потихоньку исчезал, и на замену пришла угрюмость.

– Хочешь знать, что я об этом думаю? Ты обязана сказать все своим родителям, какая бы реакция после этого бы не последовала. Аманда, ты погубишь себя молчанием.

Осознавая его правоту, мне хотелось разреветься, однако я пересилила себя.

– Я скажу, только не сейчас...

– Если ты ищешь подходящий момент, то знай, он никогда не наступит. Это только оправдание.

– Тебе не понять моих страхов, – поджала губы в невидимую полосу я. – Ты не знаешь, какого жить с галлюцинациями. Я будто сижу на пороховой бочке. И ты не понимаешь, как тяжело оставаться нормальной, если в самом деле всё наоборот. От меня все отвернутся, Сэм. Отправят в психушку.

– Неправда. Тебе помогут, выпишут лекарства и ты добьёшься ремиссии, – Сэм звучал чересчур оптимистично. Я не разделяла его мыслей.

– Говорю тебе, они упекут меня в стационар, где я проведу

всю оставшуюся жизнь в четырёх стенах!

Сэм хотел было в очередной раз протестовать, увы ему помешали приближавшиеся голоса. Черт, это мама с папой, и кажется, они шли сюда.

С каждым шагом они ближе и ближе. В груди что-то кольнуло, скорее всего страх, после чего я схватила парня за плечи, ведя его к окну. Слава Богу, тот не сопротивлялся.

– Снова прогоняешь меня? – цокнул он, закатив глаза.

Я бросила ему куртку и открыла окно, не реагируя на брошенную реплику.

– Это для твоего же блага, верь мне!

– Ты очень милая, поэтому я тебя прощаю.

Он только что сделал мне комплимент?

– Сэм, помнишь? – на миг посерьёзна я, оперевшись руками о подоконник. – Никто не должен знать о моей болячке.

– Я же обещал, – зарекся он, с осторожностью спускаясь вниз.

– Спасибо.

– Сэм Гилмор к вашим услугам!

Я улыбнулась напоследок и собиралась было отойти от окна, как вдруг Сэм сорвался вниз и шлёпнулся на сухой бордюр. Я аж зажмурилась в испуге, осознавая, что сердце ушло в пятки. Судя по ужасному грохоту, ему хорошенько досталось.

– Сэм! Ты жив?! – заволновавшись, крикнула я, пытаюсь разглядеть парня в полумраке.

Несколько секунд молчания были длиною в вечность.

– Жив... – послышался севший его голос, и я облегченно вздохнула.

Думаю, с ним все будет в порядке.

Ко мне постучались. Я подбежала к двери, впустив в комнату недоуменный родителей. Шоу начинается.

– В чем дело? Почему ты заперлась? – требовательно спросил папа, осматривая комнату, разыскивая что-то или

кого-то.

Но он опоздал лишь на шестьдесят секунд.

– Уже ничего. Что не так? Зачем вы пришли? Что-то случилось?

Мама виновато нахмурилась, пока папа играл в Шерлока Холмса. Мое шестое чувство подсказывало, что сейчас я заработаю новые проблемы. Наверняка папа узнал о моем отстранении.

– Нам нужно поговорить с тобой, Аманда, – отец сел на край кровати.

– Мы хотим отправить тебя к тёте Эмме, – добавила мама, перебив отца.

Я в ступоре раскрыла рот.

– Зачем? Мне и здесь хорошо!

– Так будет лучше для тебя, дорогая...

– Лучше для меня или для вас?! Если я вам надоела, так скажите мне это прямо, а не высылайте к тете, как ненужную

мебель!

– Что ты такое говоришь? Мы тебя любим и всегда будем любить! – обиделась мама.

Они в ожидании моей реакции замолчали. А чего они хотели от меня? Они думали, в честь этой новости я запущу фейерверки? Мне просто больно, что они отправляют меня в другой город. Зачем? Эти родственники не смогут вытерпеть меня, они спятят. Я всем только мешаю! Это лишний раз доказывает, что Расскажи я им правду о своём диагнозе, меня сошлют.

– Вы сможете меня отправить туда только через мой труп!

Я в слезах выбежала из комнаты, сгорая от злости. Моя голова гудела от метавшихся в разные стороны, подобно летучим мышам, мыслей. Неожиданно меня сбила с ног глухая боль в затылке.словно кто-то замахнулся деревянной дубинкой. Картинка перед глазами поплыла, а колени подкосились.

– Аманда! – эхом донеслось до моих ушей.

Последнее, что я видела, это подбежавших ко мне родителей. А затем удар. Падение. Темнота.

Глава 4

Чувствовать боль и причинять её другим – совершенно разные вещи, но очень схожие в эмоциях. Это как эффект домино – тебе причиняют боль, а ты причиняешь боль другим, потом другой причиняет боль остальным, потому что ты причинил боль ему, и так по цепочке. Все начинают задумываться об этом после главной своей ошибки. Но лучше поздно, чем никогда, правда?

Одно дело сделать это на эмоциях, а другое в целях простого издевательства. Не смогу забыть тот ужасный час, когда стало ясно, что со мной творится какая-то чертовщина. Вроде обычный день в школе, но за пять секунд все перевернулось с ног на голову. Мир навсегда изменился, а вместе с ним и вся моя жизнь.

Я помню, мы с Алисой и Ларой сидели в кафетерии, уплетая всякую гадость, от которой часто обостряется язва, но никто все равно не перестанет травить себя. Все было хорошо, даже лучше, чем просто хорошо. Лара, которую мы деловито звали «L», потому что тогда в моду вошёл сериал «Сплетница», рассказывала о последних новостях в школе, а мы с Алисой, развесив уши, внимательно слушали её истории, время от времени смеясь, давая прозвища провинившимся. Но потом я задумалась: «Ведь те, с кем мы сплетни-

чаем о других, могут сплетничать и о нас». Мои ослепшие от подхалимства глаза распахнулись, и я поняла, как глубоко ошибалась в людях. Обозвав лучших подруг сплетницами, стервами и тупыми куклами (отсюда и их сегодняшнее прозвище), я выбежала из столовой и канула в лету. С одной стороны я даже рада, что мы больше не общаемся. Я научилась различать людей, словно над их головами светятся ярлыки: «Годен», «Гнилой». Но также мне порой без них тяжело, я скучаю по ним, по нашим разговорам, по шуткам, по весёлым похождениям. Я осталась одна, и меня это убивает, ведь шизофрения питается моим настроением, одиночеством и страхом. Она питается этим, подобно монстру.

Одна секунда, за которую я оказалась на полу коридора, перед глазами прошло всего одно видение. И это было не воспоминание из детства, и не родительские лица, и уж тем более не разговор с мистером Мартином. То, что я увидела, было странно и прекрасно одновременно. Перед глазами призрачно блистал Сэм Гилмор, который нежно держал меня за руку, словно ангел-хранитель. Не успела сказать, но ладонь этого парня была холодней льда, снега и Северного Ледовитого океана. Именно поэтому по мне пробежало мурашки, но речь сейчас не о терморегуляции его организма.

Ровно пять секунд назад я упала в обморок. И прямо сейчас я находилась в темноте своего рассудка, которого почти

лишилась. Это немного необычно: вроде бы я в сознании, но не могу ничего предпринимать. Очень похоже на реалистичный сон или выход в астрал. Хотя кто его знает: сон это или реальность? То, что ученые не могут объяснить, они оправдывают фразой: «Временные аномалии, коллеги». Ха, кого они хотят оболванить? Люди не могут прожить без каких-либо чудовищ, призраков, вампиров и другой нечисти. Им нужно какое-то оправдание, иначе люди свихнутся. И я с ними согласна, ведь жизнь и так скучна до потери сознания. Кстати о потере сознания...

Я почувствовала, как сильные папины руки помогли мне подняться, они схватили мое «безжизненное» тело и понесли в гостиную. При этом слышался мамин вопль и отцовское: «Все будет хорошо». Уже через пару мгновений я была на мягком диване, который пахнет домашним запахом. Это может быть печенье, или парфюм, или папироса. Думаю, вы поняли меня. В каждом доме есть свой ностальгический аромат.

– Аманда, открой глаза, дорогая! – мама судорожно поглаживала меня по волосам.

Её тёплые руки дрожали, а по голосу ясно, что она на грани истерики. Если бы я могла, мамочка... Но не получалось, веки словно под замком! Будто придавило куполом, мне не выбраться!

– Боже, Брюс, она не просыпается! Звони в скорую! – в конце концов, мама в панике разрыдалась.

Через мгновение я уже видела люстру и её улыбку безмерного счастья. Мама от облегчения всхлипнула, крепко обняв и позвала отца, готово было вызвать доктора. Наверное, они думали, что больше никогда не увидят моих карих глаз, да и у меня мелькала такая мысль. Благо, все обошлось...

– Как же ты нас напугала! – вытирая слезы, улыбнулась широко мама.

Папа согласился с ней и, сев на край дивана, поцеловал мою щеку. В этот момент я поняла, что вовсе не одинока. Да, я потеряла подруг, но рядом со мной родители, Майкл и теперь Сэм. Они – драгоценность, которую я обязана уберечь.

* * *

Сидя по-турецки на своей кровати, я неспешно собирала чемодан. После долгого раздумья, мне показалось неплохой идеей оставить дом и этот город, хотя бы на два дня. Терять нечего, кроме встреч с Сэмом, по которому я уже успела хорошенько соскучиться. Родители успели передумать меня отпускать, боясь, что у меня опять возникнут проблемы со здоровьем, но после долгих уговоров, их сердца растаяли –

моя взяла! Папа подвез меня до вокзала и посадил на нужный автобус, откатываясь уезжать до моего отбытия. По пути, я точно знала одно – мне надо сесть возле окна любым способом, иначе два с половиной часа будут потрачены впустую. Но опять же, мне крупно повезло. Предвкушая скорую встречу с любимыми родственниками, я включила музыку в плеере и принялась размышлять.

Тётин дом прекрасен: он трехэтажный, расположен на окраине города, где растянуты кукурузные поля. Это место можно назвать фермой. У неё двое детей – девятнадцатилетний Кайл и моя ровесница – Джини. Мы не виделись четыре года, и я не знаю, о чем с ними говорить, какие у них интересы или хобби. Словно еду к чужакам, с которыми мне доводилось видеться раз в жизни. Но ведь это не так...

Спустя сорок песен и один альбом классной группы, я уже была у ворот пусть немного потрепанного, но большого дома, чьи стены окрашены в бежевый цвет, однако невооружённым глазом была заметна сыпаящаяся с них штукатурка. Дом постарел...

Меня встретила собака по кличке Робинзон и служанка Наталия – полноватая женщина с дулькой на голове. Она приветливо помахала мне, помогая с чемоданом, затем распахнула скрипучую калитку. Двор чистый и довольно широкой, есть, где разгуляться. На желто-зеленой траве стояли ржавые качели и полностью заросшая мхом беседка. Боже, я вспомнила как будучи малышкой игралка с Джини в салки.

Было здорово.

– Фу, проклятье божье, пошел прочь! – ругаясь на пса, прыгавшего мне на ноги, Наталия провожала меня до крыльца.

Робинзон, высунув язык наружу и радостно виляя пушистым хвостиком, тоже составил нам компанию, открыто игнорируя бурчания служанки. Я посмеялась над ним и скрылась в прихожей с тёмными обоями. Повесив верхнюю одежду на вешалку, я разулась и на вопрос Наталии, отнести ли чемодан в мою комнату, я удовлетворительно кивнула.

– Проходи пока в гостиную. Эмма ещё не знает, что ты приехала, – объяснила чужое отсутствие служанка.

И на это я махнула головой, пройдя вглубь дома. Как все изменилось за это время. Раньше в гостиной стояло старое фортепиано и висели чучела оленьих голов, а теперь здесь расположились два кожаных дивана, большой старинный ковёр с непонятными рисунками, телевизор и деревянный стол в углу, покрытый лаком. На нем сверкала в солнечных лучах, пробиравшихся сквозь окна, хрустальная ваза с подсолнухами. На секунду мне померещилось, что цветы начали двигаться, но это лишь очередная галлюцинация, к которой я успела уже привыкнуть.

– Аманда! – поспешно вошла в комнату статная женщина с тонкой талией. Её волосы черны, как ночь, и собраны в пучок ровно также, как и у служанки. На тете надета кофта с пуговицами, сверху пёстрый шарф и строгие брюки.

Этот дом не подвластен времени, как и его владельцы? Тетя Эмма нисколько не изменилась! Она подошла ко мне и крепко-крепко обняла, отчего я почувствовала боль в спине, но не стала жаловаться. До меня сразу дошёл запах её парфюма, напоминавший тонкий аромат лилий.

– Тетушка! Ты вообще не изменилась! – сделала искренний комплимент я, и она перестала душить меня в объятиях, принимаясь оценивающе разглядывать с макушки головы до кончиком пальцев ног.

– Зато ты изменилась! Так выросла, похорошела! Как мы рады, что ты приехала к нам в гости! – не скрывая улыбки, хлопнула в ладоши она.

Я смущённо отмахнулась, глядя в серые глаза тётушки, однако вскоре мое внимание забрала к себе маленькая фигурка, с широкой улыбкой залетевшая, будто воробушек, в гостиную. Ей понадобилось секунд шесть, чтобы предстать передо мною во всей своей красе.

Я сразу узнала Джини, несмотря на новый цвет волос, рыжий, который ей безумно шёл. В детстве её волосы доходили до пояса. Тетя Эмма заплетала ей кому и плела венок.

Вернувшись в реальность, я протянула руки к хохочущей кузине и, обняв, закружилась с ней из-за потери равновесия. В прошлом мы были не разлей вода, но потом все изменилось и наши пути разошлись.

– Ах, как я рада! Разрази меня гром, какая же ты красотка! – щипала меня за плечи Джини, забавно выражаясь.

– Тоже самое говорю о тебе! Ты проколола уши?

Не замечая тетю, мы, перебивая друг друга, жужжали о том о сём, что успело накопиться за четыре года. Позже тетя Эмма попросила кузину показать мою комнату, после чего спуститься к столу, обедать. Джини схватила меня за руку и плавно повела за собой, на второй этаж дома. Лестница на каждом шагу скрипела, и эти звуки наводили на меня ужас, особенно ночью, когда тени начинают бесчинствовать.

Выделенная мне комната оказалась современной, чем в моем воображении. Она светлая и пахла только что испёкшимся яблочным пирогом, и это потому, что подо мной на-

ходила кухня. Просторная деревянная кровать с необычной вырезкой заняла много места. Слева от двери стоял новый комод с зеркалом. Джини сказала, он с подсветкой, и стоило ей нажать на какую-то кнопку, как загорелись белым круглые лампочки. Удивившись, мы почему-то одновременно рассмеялись и бросились на кровать, растянув руки в стороны. Тишина. Где-то далеко слышался рёв трактора и весёлые возгласы детей, играющих на полях. Несмотря на конец февраля, в здешних местах достаточно тепло.

– Честно говоря, я удивлена, что ты приехала к нам, – призналась Джини, краем глаза уставившись в мою сторону.

Вообще-то, я тоже.

– Просто подумала, что пора сменить обстановку и повидать близких людей.

– Да, – согласилась она, – я рада, что мы вернулись в детство! Сегодня разожжём костёр, будет весело!

– Костёр? В честь чего? – я перевернулась на живот.

– Наша соседка выходит замуж, а у нас традиция устраивать костер и провожать невесту. Тупость, но зато очень весело, – жестикулируя, объяснила Джини и немного задума-

лась. – Ладно, вставай, ленивая задница, мама потушила рыбу специально для тебя!

Я, Джини и тетя Эмма сидели за длинным столом, который забит разнообразными блюдами и новой посудой, хоть нас и было всего-то три человека. Наталия отказалась есть. Любопытно было спросить, зачем им столько сервиза, но я боялась ляпнуть лишнего или показаться грубой невоспитанной девчонкой.

Наталия наложила в мою тарелку большой кусок рыбы, салат и по традиции апельсиновый сок. Джини с воодушевлением рассказывала, как она победила в конкурсе танцев, заняв первое место. Кузина очень талантлива и умна, полная моя противоположность. Родители не имели такую плохую привычку сравнивать меня с ней, однако за них это делала я. Мне всегда неуютно, когда семьи собираются вместе, делятся новостями и успехами. Я ничем не увлекаюсь, не люблю школу, не умею петь или танцевать. Все, что мне нравится, так это смотреть сериалы и есть вредную пищу. Папа пытался заинтересовать меня в спорте, а мама в вышивке, но бесполезно. Мои руки-макаронины ни на что не способны.

– А где Кайл? – вспоминала я о кузене. Мы с ним еще не успели встретиться. Ясно одно – его нет дома.

– Этот обалдуй в городе, – пробурчала тетя, видно она была зла на своего сына. – Он играет в группе и выступает в забегаловке! Позор!

Джини закатила глаза и раздраженно вздохнула. Разворачивалась семейная драма.

– Мама, ему это важно! Он хочет заниматься музыкой, что тут плохого?

– Джини, ты же знаешь, что ваш отец хотел другого! Кайл должен продолжить его дело, почему вы это не понимаете?

Муж тети, то есть мой дядя, умер шесть лет назад. Это был чёрный день для всей семьи. Его схватил сердечный приступ, видно, он сильно перенервничал и его накрыл какой-то стресс. Дядя руководил большой компанией по производству бумаги, но после его смерти все пошло ко дну, а дело остановилось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.